

СЭМЮЭЛЬ ГЕЙ

Боттичелли из Страны Дураков

Сэмюэль Гей

Боттичелли из Страны Дураков

«Издательские решения»

Гей С.

Боттичелли из Страны Дураков / С. Гей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853960-2

Независимо и свободно живут люди в пансионате для людей с уставшей психикой. Благостная жизнь заканчивается, когда в пансионат наезжает комиссия. Пансионат приговорен на ликвидацию, а обитатели его уходят в Никуда. Остаются два друга: Боттичелли и Мишаня. Им предстоит в новом жестоком мире за стенами душевного приюта найти свой путь, научиться жить по правилам чуждого мира. «Боттичелли из Страны Дураков» — живая книга. По ней, как по отрывному календарю, можно сверять нашу сегодняшнюю жизнь.

ISBN 978-5-44-853960-2

© Гей С.

© Издательские решения

Содержание

Необходимые разъяснения автора неподготовленному читателю	6
Часть первая. Боттичелли	8
Глава первая	8
Глава вторая. Бобо	11
Глава третья. Мишаня	14
Глава четвертая. Мишаня	18
Глава пятая. Бобо	21
Глава шестая. Лаврентий Палыч	25
Глава седьмая. Бобо	29
Глава восьмая. Бобо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Боттичелли из Страны Дураков

Сэмюэль Гей

© Сэмюэль Гей, 2018

ISBN 978-5-4485-3960-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимые разъяснения автора неподготовленному читателю

Даже не знаю с чего начать... Но только учтите – все это очень серьезно и очень по секрету. О том, что я вам расскажу, никто не должен знать. А то, чего доброго, все захотят жить как мы, отыщут наш райский уголок – и тогда прощай благодать Господня – опять будет та же Страна Дураков, в которой так привычно прозябаете вы.

Не обижайтесь, я знаю что говорю, мне бояться нечего. А вот вы можете пострадать, потому что я не знаю, кто ваш хозяин и каков его нрав.

Что? У вас нет хозяев? Вы живете в свободной стране? Перестаньте! И никогда больше не говорите о том, иначе я окончательно причислю вас к недоумкам и больше ничего рассказывать не стану.

И не надо спорить. Я знаю. Сам когда-то жил в «самой свободной стране». Уже будучи школьником первой ступени, в форме военного образца – во фланелевой гимнастерке, перепоясанной широким ремнем с тяжелой медной бляхой, я пел под дирижирование учителя новопридуманные псалмы: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» А отцы наши в то время на своих торжественных собраниях тоже не молчали, поднявшись со стульев все, как один, выводили во весь дух: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем»... И почему-то стоя всегда пели, будто к ним, строителям, уже приближался Главный Прораб.

Вот под такую музыку я рос. Ха! Надо было прожить целую жизнь, чтобы запоздало поумнеть, перестать бояться и признать – чушь все это! «Кто был ничем», он таким родился, он не хочет или не может быть «всем».

И так было во веки веков – все люди разные. Есть таланты и есть бездари, есть творцы и есть лодыри... Ну, ладно, что я вам очевидное доказываю...

Мне «крупно» повезло: родиться в огромной стране, занимающей одну шестую часть земной суши. Жить здесь – все равно, что поселиться в большом неприятном доме. Народу полно, каждый лопочет что-то свое, кругом грязь, нищета, глупость и хамство, всеобщая тупость, страх и жестокая борьба за кусок хлеба.

Порядка нет. Хозяина в доме нет – мелькают какие-то тени и уходят. Дом разрушается. Общий когда-то народ разделился на племена...

Ах, да, я забыл представиться. Меня зовут Боттичелли. Неплохо звучит, правда? Вообще-то родители нарекли меня простым русским именем Вася. Но там, где я сейчас живу, можно исправить без особых хлопот любую нелепость. В том числе сменить не очень благозвучное имя. Например, мой сосед по койке не кто иной, а Гарибальди Петрович. Он весь в шишках и шрамах, и глаз у него один вытек, потому что всю жизнь он бился за свободу угнетенного народа. Он и еще собирается биться, но немного устал и вот отдыхает в нашем пансионате. Уже восемнадцать лет отдыхает, но это, впрочем, не важно.

Я об имени говорил. Вот вы в своем разумном мире попробуйте поменять хотя бы имя свое?! Да вы семь посохов железных сотрете, семь хлебов каменных сжуете, пока дойдете до нужной двери, где вам выпишут бумажку с гербовой печатью, удостоверяющую, что отныне вы не Ермил Сарафанкин, а Вениамин Дворянкин. Это в лучшем случае, если повезет. А если вы захотите называться Ричард Львиное Сердце? Я уверен, этот номер не пройдет в любой вашей свободной-рассвободной стране. А у нас этих Ричардов – два, и оба – Львиное Сердце. И никаких проблем, живут мирно, потому как братья. Один старший, один младший, и меняются через день старшинством, чтобы обидно не было.

У нас можно не только имя поменять, но и пол. Был, например, юноша Володя Куликов, а стал девицей Виолеттой Самохиной. Потому что полюбил, вернее, полюбила другого нашего парня Юру Самохина, и они поженились, и живут, хорошо живут. Комнату им отдельную выделили. Очень дружная пара: все время ходят под ручку. Виолетта очень следит за собой, не забывает подкрасить губы. И сережки ей к лицу...

Так что вот так, живем без помех, без глупостей. Хотя, конечно, в семье не без уroda. Есть и у нас такой. Величает себя не иначе, как Лаврентий Палыч. Соорудил себе из проволоки пенсне и вечно поправляет его на носу. Этот Лаврентий Палыч очень любит, когда спрашивают его фамилию. Тогда он раскачивается презрительно с пятки на носок, убийственно смотрит на тебя через проволочные колечки на глазах и шипит: «А вы разве не знаете, что меня и без фамилии все отечество знает? Такого имени больше ни у кого нет! Ну, ничего, придет время, я вам напомню...».

Говорят, он на всех ведет досье. Подглядывает, подслушивает за каждым... Мерзкий тип. Если б не наш Доктор, совсем бы распоясался этот Лаврентий. А так он цыкнет на Лаврентия Палыча с грузинским акцентом: «Ви што товарищ Берия себя распускаете?! Ведите себя прилично, а когда надо, партия вас позовет...». И тот враз тускнеет...

Мудрейший человек наш Доктор. К каждому у него свой подход. И не притесняет никого. Хотя я на его месте погнал бы вон этого Лаврентия. Сказал как-то об этом Доктору, а он мне ответил: «Уж пусть лучше у нас будет Берия, чем какой-нибудь Добряков, который исподтишка напакостит еще похлеще...».

Я ничего не смог придумать в пику этому Лаврентию Палычу, как называть себя только по фамилии. Вот Боттичелли я и все! Фамилия красивая. Впрочем, если она мне надоест, я ее поменяю, у нас с этим просто, я же говорил. А пока называйте меня Боттичелли. Можете добавить: из Страны Дураков. Почему? Потому что я там когда-то жил.

Часть первая. Боттичелли

Глава первая

После завтрака у нас – «телевизор». Это не то, что у вас – включил и смотри всякую чушь, какую тебе предложат. Мы выступаем сами. На сцене – кабинка. В ней окошко зашторенное. Шторки раздвинул и глядишь в зал.

– Добрый день, дорогие друзья! Сейчас я вам расскажу...

Сегодня по программе выступает Негодяев из восьмого флигеля. Не знаю, сам он такую поганую фамилию взял, или с нею родился. Но слова попросил. Значит, есть что сказать, допекло! Посмотрим...

Наши все уже ушли в клуб. Я замешкался в столовой и решил подъехать на автобусе. Он как раз на остановке стоит, и двери гостеприимно распахнуты. Сел, как всегда, на третье кресло справа. В автобусе никого. Люблю ездить в пустом автобусе. Ничто не отвлекает, и можно думать о чем угодно, глядя в окно. Едешь и гадаешь – куда тебя вывезет, и что тебя ждет там, впереди? Никогда не знаешь ничего наперед, потому и интересно ездить...

Но сегодня водитель опять не вышел на работу. А то, что у автобуса нет колес, я и сам знаю.

Я выхожу на той же остановке и иду в клуб. Это совсем рядом. Там уже полно народу, и шторка на экране колышется от нервного дыхания Негодяева. В первом ряду сидит Доктор в белой своей неизменной шапочке. Тут же и Санитар, как всегда в не очень свежем халате.

Мишаня занял мне место рядом с собой, и я пошел к нему в серединку, продираясь через острые колени зрителей.

Вот синяя шторка распахнулась, и мы увидели рожу, красную от возбуждения, с припухшими глазами.

– Добрый день, дорогие друзья!..

С этой дежурной фразы начинается каждое выступление. Главное – что будет сказано потом. И тут невозможно что-либо предугадать...

В прошлый раз выступал некто Петухов – огромный детина, который постоянно выбрасывал свой кулак из экрана. Он с леденящими душу подробностями рассказывал, как нечаянно застрелил на охоте своего друга. Навел ради шутки ружье и выстрелил, идиот. И смертельно ранил человека. И тащил его по мари до железной дороги, еще живого, сколько-то километров.

Мне запомнилась фраза, которую сказал уже раненный смертельно дробью в живот друг этому Петухову: «Что же ты делаешь!». И все. Больше ничего он не сказал до своей последней минуты.

Петухова тогда освистали и прогнали вон из телевизора. Ну зачем надо было рассказывать такую мерзость! А он зачем-то рассказал. А сейчас сидит вон в третьем ряду, как будто ничего и не было.

Интересно, что Негодяев нам изобразит? Ни разу еще он не выступал. Лицо у него вроде не такое уж глупое, даже залысины на лбу успел занять. Под интеллектуала работает. Ну, ну, давай, дорогой!

И он выдал убойную фразу:

– Почта работает отвратительно!

Зал одобрительно вздохнул. Критику у нас уважают. Оратор заметно приободрился.

– Но, в общем-то, я не к вам хотел сейчас обратиться, дорогие мои, – оговорился он. – Пользуясь возможностью телевидения, я хочу достучаться к той, по которой вот уже одиннадцать лет сохнет мое несчастное сердце.

Публика в зале примолкла. Выступающий выходил на большую орбиту, игнорируя нас, сидящих здесь. Значит, что-то весьма серьезное озаботило этого Негодяева. Вот он утер ладонью лоб и, глядя в бездонную даль, стал говорить.

– Надежда, Наденька! Ты, конечно, слышишь меня. Должна услышать! Вот уже одиннадцать лет мы в разлуке. Я не знаю, где ты, что с тобой. Больше четырех тысяч писем гуляют по свету в поисках тебя, и ни одно из них не вернулось ко мне с драгоценной находкой. Ты моя Пропажка, моя Потеря, но я не хочу так думать о тебе. Я все равно отыщу тебя. Да, нет больше надежды на письма. Почта работает у нас ни к черту! Я сам по ночам оббегаю этот земной шар, не разбирая пути. Города с их шпилями, колокольнями, небоскребами колют мои босые ноги, огни пожарищ опаляют кожу, я перехожу по колена океаны, но все без толку! Тебя нет со мной! Я просыпаюсь каждый раз от боли в ступнях, но меня это не страшит. Я все равно дойду до тебя, душа моя. Ты есть еще на этом свете. Я знаю. Потому что вчера отчетливо увидел тебя во сне. Ты шла мне навстречу, совсем нагая, белая, худая с фигурой подростка, с узкими бедрами, которые всегда делали тебя похожей на мальчишку, на сына, которого у нас так и нет. И маленькие груди твои, как две увядшие лилии, поникли устало и коричневыми глазками, как бы исподлобья, смотрели на меня...

При этих словах в зале кто-то заржал, но шлепок затрещины прервал неуместный смех. Негодяев перевел дух и продолжал дальше:

– Надежда! У меня ничего не было с этой Илоной. Ну а если случился грех, то совсем по-глупому и не всерьез. Приди ко мне, Наденька! Я устал, я смертельно устал! Только и делаю, что жду тебя. Откликнись, ведь это так важно для меня!..

Оратор по фамилии Негодяев бормотал бессильные и печальные слова. Оказывается, он глупец – пытается опровергнуть вечную, вечную истину: никогда нельзя вернуть ушедшее... Я твердо знал, что не видать ему его Наденьки никогда! Наверняка этот Негодяев сильно обидел свою душу, и она ушла от него, исчезла навсегда его Наденька. А он, дурак, еще живет, надеется, мучается без нее и долго-долго еще будет мучиться в своем одиночестве, пока однажды, отправившись на поиски любимой своей, не уйдет за далекий предел и навсегда покинет землю. Вот кричит он сейчас, не таясь, от боли. Значит, чувствует свою безысходность, значит уже готов к долговому бессрочному пути. Чем помочь ему? Жалкий, унылый человечешко. Позарился на какую-то Илону и потерял Надежду...

Наверное, многие в зале сейчас думали так же, как и я, потому что никаких эмоций не было. Тупое молчание, похожее на сочувствие. Сосед мой, Мишаня, так тот откровенно зевал. Молод еще, ему никогда не понять самое главное... Пора уже было этому Негодяеву выключить звук и убрать изображение на телеэкране. Покричал, да и хватит, живи себе... Или в качестве краткой отсрочки попроси у Доктора успокоительные пилюли...

Но вдруг поднялась со своего стула Бобо и крикнула Негодяеву:

– Я здесь, милый! Здесь твоя Надежда! Я все простила тебе, мой дорогой. Я тоже долго жила одна неприкаянной на этой земле...

– Почему же я не смог найти тебя? – жалобно выдохнул Негодяев.

– Потому, что я была все время здесь, рядом...

Милая Бобо, она опять не сдержалась. Я с восхищением смотрел на нее. Бог ты мой, какая женщина! Я любил ее в эту минуту еще больше. Ах, Бобо, Бобо!..

Негодяев раскрыл рот и уставился на Бобо. Она никак не походила на его Надежду с фигуркой подростка. Перед ним была женщина, которую он видел здесь каждый день, и каждый день она была разной: то в простом домашнем халате и тапочках, похожая на добрую нянечку, то в черном плаще с капюшоном, напоминающая инквизитора, но всегда какая-то странная, загадочная и непостижимая.

Негодяев долго рассматривал ее, и улыбка зарождалась на его красном, болезненном лице.

– Почему? – только и сумел вымолвить он.

– Я тебе все объясню, – крикнула Бобо. – Много лет прошло, дорогой. Ты тоже изменился неузнаваемо. Я напишу тебе. Поверь, ты мне очень дорог...

Очумелый от такого нежданного счастья, Негодяев еще некоторое время маячил на экране. Звук уже не было, только идиотская счастливая улыбка его светила нам в зал. Наконец и экран погас. Синяя шторка никак не шевелилась, все поняли, что передача окончена. И тогда люди обратились взором на Бобо, которая все еще стояла, сияющая и счастливая. И плеск аплодисментов взлетел в нашем зале, как стая голубей на площади.

Ах, Бобо, Бобо, ты не изменяешь себе!..

Глава вторая. Бобо

Бобо я узнал давно, много лет назад. Случилось это при весьма странных обстоятельствах, и о том стоит рассказать особо.

Тот день я хорошо помню – пятница, нам как раз выдали получку...

Коллеги мои, сантехники домоуправления, естественно, тут же прервали свой напряженный трудовой процесс, попрытали по своим шкафчикам инструмент с таким видом, будто делают это навсегда. Какие к черту протекающие краны, неисправные смывные бачки, засоренные раковины и истекающие трубы! Одно слово – ПОЛУЧКА!

Для русского пролетария понятие это такое же святое, как для верующего имя Иисуса Христа или Аллаха. Два раза в месяц, получив от государства через кассира деньги, миллионы заклеянных проклятьем тружеников полей и заводов, строек и шахт, транспорта и сферы обслуживания как бы рождаются заново и стремятся, пусть неосознанно, пусть на время, воспарить душою, вырваться ненадолго из дерьма и грязи.

Женщины теряют голову и бегут на заклание в магазины, где переполненные людьми залы и непонятно чем набитые полки. Уходят они из магазина как из жизни: неохотно и постоянно оглядываясь назад...

Собратья же мои, зажав в руке казенные бумажки с водяными знаками, светлеют лицом и устремляют взор куда-то за Галактику, в беспредельную Вечность, в надежде обрести Гармонию и Смысл...

В тот раз коллеги мои скинулись по-царски. Это потому что Приходько, известный наш рыбак и охотник, примочил где-то утром, по пути на работу, бездомную собаку. Как он сказал: «не жирную, но большую». Вместе с нею он скрылся на весь день в котельной, прибежал время от времени и оповещал: «уже ободрал», «щас закипит», «еще варится»...

По случаю предстоящего грандиозного пира даже мастер наш Николаич снизошел до выпивки с «рядовой массой». Явился из своего кабинетика и отдал Коноплеву свой взнос – десятку. Коноплев скривился, но промолчал: как-никак начальство, ему можно простить такое хамство. А лучше бы кинул ему в рожу этот червонец, мол, угощаем, Николаич! Но да где там Коноплеву до этого...

Пока «гонцы» нашего доблестного слесарного участка отоваривались в винном магазине «эликсиром жизни», все наши слесари сидели рядком на лавке в мастерской и вели неспешный разговор о всякой чертовщине: про инопланетян, про явление божьей Матери в Трускавец, после чего крест на местном храме засиял недобрым пунцовым цветом. Про девочку, которая летает на другие планеты... В общем, всякие сказки, которые любит послушать рабочий люд в курилке, когда он уже расстался на сегодня с работой, но еще не отдался буйному досугу. Сладкий этот переходный момент я бы назвал ПЕРЕДВКУШЕНИЕ.

Господи, о чем только не говорят люди в ожидании «гонцов» из магазина в предчувствии ни с чем не сравнимой радости от наполненного стакана!..

Выпитый стакан вина делает человека творцом. Подобно поэту, который в состоянии вдохновения неведомо что наделает на листе бумаги, так и человек, выпивший стакан, потом другой, третий... – неведомо что натворит. Он сбросит привычные оковы условностей, раскрепостится полностью и станет непосредственным, как дитя и в то же время предельно открытым и искренним. В этом состоянии истинного своего существа, человек совершает решительные действия, которые и делают человека человеком, потому что о людях судят по делам.

Человек раскрепощенный может вставить, наконец, кулак свой между ушами напарника Миши, потому что тот, гад (больше некому), умыкнул у тебя газовый ключ и не сознается. Да и вообще, тебе давно противна его гнусная харя... Человек, принявший стакан-другой «эликсиру» становится способным и на возвышенное, вспоминает вдруг, что есть на свете «любовь».

И он решительно топчет кирзовыми сапогами на водокачку, где качает воду несравненная Люся, чтобы объяснить с ней предельно простыми, от самого сердца идущими словами: «Ну, в общем, это самое, Людок... не могу я без тебя... Что-о ты! Да я с этой стервой из-за детей живу! Людок, ну, в общем ты меня должна понять...».

И совершенно обратная реакция может быть у разбуженного вином «поэта», когда приходит он домой, где его толстопятая Катя из года в год все что-то моет, стирает, варит... В этой неизменной и низменной домашней обстановке наш «поэт» чаще видит зад своей жены, чем ее лицо. И вот сейчас, находясь в полном поэтическом прозрении, он стоит на пороге своего дома, пропахшего вечной стиркой, и бормочет: «Какая проза! Какая проза, бог мой!..». И голос его вдруг прорезывается до рокота архангельских труб: «А ну, мать твою... вон из моего дома! Д-дура!!!».

И здесь, как правило, происходит нешуточная стычка между поэзией и прозой: кто в доме хозяин. Разве только критику по силам разобрать достоинства той и другой стороны. И он, как правило, является, этот критик, в облике дежурного милиционера...

Так что, почти каждый пьющий человек – это поэт, творец. Творчество – оно непредсказуемо. И потому не осуждайте людей, рвущихся к зелью, не смотрите брезгливо на опухшие лица. Нет, это не пьяницы, это – поэты. И если поэзия чужда вам, не мешайтесь под ногами, господа, идите своей дорогой.

Я не поэт и предпочитаю твердо и мучительно ходить по земле. Поэтому я хорошенько помыл руки с каустической содой и подался до дому. Меня никто не удерживал, потому что все знали, что у меня язва. Хотя никакой язвы у меня нет, я ее выдумал, чтобы не пить со всяким сбродом.

Оглянувшись на прощанье на своих товарищей по работе, я увидел галерею живописнейших физиономий и вспомнил анекдот про сантехников. Я его иногда рассказываю разным людям, но никто не смеется. Наверное, не понимают. А анекдот такой. Забило канализационный колодец. Дерьмо прет через верх. Пришли два слесаря, старый и молодой. Ну, старый заткнул нос и нырнул в это дерьмо, потом выныривает и кричит молодому: «Ключ на восемнадцать!» Тот дает. Опять ушел с головой старшой. Потом опять командует: «Ключ на двадцать два!» Молодой подает. Старый опять в дерьме исчез. Что-то подкрутил, и дерьмо разом все ушло. Старый слесарь вылезает из колодца, обирает с себя всю эту гадость и с гордой улыбкой говорит молодому: «Вот, учись, сынок, а то так и будешь всю жизнь ключи подавать!».

Меня в который раз развеселил сей тонкий анекдот, и настроение даже поднялось, хотя на дворе моросил мелкий осенний дождь. На какой-то миг мне даже понравилась моя жизнь, и я чертовски уютно почувствовал себя в чистой, еще не отсыревшей спечовке, в кирзовых сапогах с теплыми портянками. Да и на душе покойно: я делаю полезное, нужное людям дело, пусть оно и не очень чистое.

Сегодня я прочистил раковину в доме у вдовы с двумя детьми и починил у них замок в дверях, хотя это не мое дело. Сделал просто из сочувствия, а она, глупая, деньги сует... Потом старику со старухой наладил кран, который протекал, наверное, со времен строительства коммунизма... Всего-то прокладку сменил, цена ей копейка, а людям радость. Хотя жалкое впечатление производят ветхие старики, пусть даже они и вместе. Ходят друг за другом из комнаты в кухню, из кухни – в комнату. А под ногами тараканы трещат, как подсолнечная шелуха. Старики их не замечают... Но ничего, живут, радуются всякой мелочи. А тут – слесарь пришел – совсем праздник!

В общем, у меня сегодня не самое плохое настроение, хотя с неба падает холодная противная влага, люди, нахохлившись под капюшонами и зонтами, безропотно стоят на остановках или в очередях, чтобы в очередной раз переехать реку жизни на автобусе или маршрутном такси. Тихие серые фигуры... У людей такое выражение лиц, будто они стоят в очереди на фабрику, где из них будут делать мыло или колбасу...

Мне надо на почту. Здесь тоже очередь. Я встаю восьмым или девятым и на весу заполняю бланк перевода. Каждый месяц я перевожу деньги бывшей своей жене на содержание своих детей. У меня сын и дочь, оба школьники. Я не могу жить с ними рядом, участвовать в их воспитании, поэтому мне остается высылать деньги. Я отправляю почти все, что зарабатываю. Себе оставляю самую малость. Пенсия на бедность. Но мне хватает.

Господи, как медленно идет очередь... Никак не могу привыкнуть к тупому ожиданию, и в этом, наверное, моя беда. Я не могу жить в ритме очереди, меня никогда нет там, где надо ждать, я всегда прохожу мимо. Но сейчас приходится терпеть во имя детей своих.

Наконец я избавился от лишних денег, вышел на почтовое крыльцо и опять увидел дождь, морозяще-взедливый и бесконечный. Я стоял под бетонным козырьком и долго смотрел сквозь пространство, которое наша хромоногая почта рано или поздно преодолет и доставит мой денежный перевод детишкам моим, чтобы худо-бедно росли они под этим ненастным небом.

Впрочем, что это у меня настроение так испортилось? Дождик что ли надоел? Ерунда! Вот сейчас пойду и куплю себе зонт. И плевать мне тогда на непогоду.

Надо было ехать в большой магазин, и я подался на трамвайную остановку. Там стояли люди под зонтами. Много довольно людей и у всех зонты. Без зонта был я и еще один. Он лежал на асфальте, на спине и, кажется, в зонте вовсе не нуждался. Никто не обращал на него внимания, и я подошел поближе. Это был крепкий мужик, лет под сорок, похожий на цыгана и одетый довольно прилично: кожаная куртка, свежая рубашка, брюки поглаженные... Глаза у него были закрыты, а лицо в общем-то неприятное: жирный подбородок и две золотые коронки на месте клыков, уже сточенные. И при всем этом – никаких признаков жизни, только грудь неестественно часто вздымается – дышит еще.

Я спросил женщину, стоявшую ближе всех, вызвали ли «скорую помощь»?

– Так он же пьяный в стельку! – ответила женщина и посмотрела на меня как на убогого.

Еще одна старушонка брезгливо пожевала губами и отвернулась от меня. Тогда я сказал так, чтобы меня все услышали:

– Пьяный человек не может так прерывисто и часто дышать! Вы разве не видите, что человек без сознания, что у него приступ скорее всего... А даже если он пьяный, ему что, помощь не нужна, да?!

Я огляделся, надеясь встретить хоть один сочувствующий взгляд. Увы, каждый торчал под своим зонтом, как мухомор. И семейная пара зрелых лет, и парень в джинсах, и благородной внешности человек в кепке и с бородой, похожий на художника... Я посмотрел еще раз на лежащего мужчину. Он был невменяем, о помощи не просил. Может, в самом деле, пьяный, к тому же такое неприятное лицо... Но я вовсе не потому передумал вызывать «скорую помощь». Я вдруг представил себя на его месте и ужаснулся: зачем жить среди таких вот людей?..

Мой трамвай подошел, и я с легкой душой поехал покупать себе зонт.

Вы извините, что я, взявшись рассказывать про Бобо, рассказываю о себе. Но, поверьте, это необходимо. Не будь меня и таких как я, не было бы Бобо. Этой несравненной и загадочной женщины. Так что потерпите. До моей встречи с ней в тот памятный день осталось всего несколько часов. А сейчас я, наверное, утомил вас, поэтому доскажу в другой раз. Тем более мне пора идти кормить кроликов...

Глава третья. Мишаня

Ухаживать за кроликами – истинное наслаждение, потому что они любят свежую траву. А траву лучше всего брать в лугах. А луга – это уже мать-природа. И когда ты приходишь к ней на поклон с серпом в руках, ты и сам чувствуешь себя частицей большого первозданного мира, где каждый жук, каждая былинка – твоя родня.

Скажу честно – среди стрекота кузнечиков, запаха полыни, лиловых шариков клевера, в этом буйном, звенящем мире, над которым даже солнце крадется по небу украдкой, чтобы не спугнуть всю эту красоту – я теряю голову. А это замечательное занятие – терять голову. Вы попробуйте как-нибудь...

С Мишаней мы быстро накосили два мешка травы. В обратный путь не спешили, уж больно славно в лугах, чудно на душе. Лежишь на мешке с травой, дышишь во всю грудь и угадываешь запах мяты, полыни, клевера... Самое главное – не хочется ни о чем думать. Сквозь сладкую дрему доносится музыка пчел и кузнечиков, да слышно еще, как вдалеке, на краю луга, у леса, бряцают коровьи ботала. Это наши буренки пасутся. Сторожат их, как правило, человек двадцать добровольных пастухов, все, кому на природе – рай и благодать. А когда денек особенно хорош, тогда такая толпа пастухов набегает – прямо народное гулянье. Но животным от того особого беспокойства нет – коровы щиплют свою траву, а люди загорают на полянке, или обирают дикую малину на опушке. А то наладят костер, картошку пекут, чай в большом котле кипятят, чтобы на всех хватило.

Вот когда костер задымит, на него, как мотылек на огонь, нагрянет неизменно Степанчук со своей гармоникой. Ох, любит он на людях песни играть. Старик уже, совсем из ума выжил – жениха из себя изображает. Женщины в швейной мастерской изладили ему красную сатиновую рубаху-косоворотку. Перепоясал он ее шнурком, сплетенным из цветных ниток. Гармонь под мышку, сапоги хромовые черным пламенем горят. Красавец! Не мужчина – орел! А как растянет гармонь свою, заведет песню – равных нету. И подпевать никто даже не осмелится. Что удивительно – старик, а голос молодой, чистый.

Я люблю слушать, как Степанчук поет. Песни у него все какие-то диковинные, то веселые, а то жалобные. Мне одна больше всех нравится:

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.
Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.
Смерть и время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Мне кажется, про меня и Бобо эта песня. Однажды мы с ней слушали песню эту вместе, вот здесь, на опушке, у костра. И я сказал ей об этом. Бобо так понимающе на меня посмотрела! Ничего не ответила, только руку мою погладила. А я вдруг заплакал. Да так легко и чисто, как в детстве. Вся грудь моя сразу стала мокрой. Бобо обняла меня крепко. Я услышал, как бьется ее сердце, и враз утих, как младенец, которого взяла на руки мать...

Ах, Бобо, Бобо!.. Вот всегда я так: начну об одном, а прихожу к другому. Голова у меня слабая совсем стала, все в ней расшатано, разболтано... Тут меня как раз Мишаня на землю вернул:

– Ты чего примолк, козлик? Уснул что ли? Чего молчишь, пень ушастый?

Вы не подумайте чего плохого про Мишаню. Он славный парень, очень добрый. Просто у него дефект такой – изъясняться с помощью бранных и нецензурных слов. Много из этой похабщины я даже привести здесь не могу при всей своей свободе и раскованности. Мне просто стыдно. Поэтому я воспользуюсь старым испытанным способом: там, где надо, буду ставить точки, полагаясь на смышленного читателя.

Ну, так вот, значит, отвлек меня Мишаня от приятных моих дум и говорит: «Чего молчишь, пень ушастый?». А я ему ласково объясняю, что лежу на свежескошенной траве под ясным солнечным днем и отдаюсь приятным воспоминаниям. А он мне в ответ: «Ну и сука ты, Ботя! Хоть бы предупредил, гад смердючий, я бы тоже о чем-нибудь приятном голову свою заломил...».

«Заломи», – разрешил я, и Мишаня умолк.

Да, я забыл объяснить, отчего Мишаня так интересно разговаривает. Вообще-то спасибо хоть так говорит. Раньше он совсем немой был, когда появился у нас в пансионате семь лет назад. Это был забитый, запуганный черноглазый мальчуган лет десяти. В синяках и ссадинах, недокормленный, убого одетый. Больше всего меня поразили грубые мужские ботинки на его ногах. Они были размера на четыре больше, чем надо.

Мальчик абсолютно ничего не говорил, только мычал и плакал, и не отходил ни на шаг от матушки Терезы, которая привела его в нашу славную обитель.

Ах, да, вы еще не знаете ничего про матушку Терезу! Черт, надо об этом как-то рассказать... Но я хотел объяснить, почему Мишаня раньше был немой, а теперь вот так странно изъясняется.

Да, но при чем здесь Мишаня, когда вы даже не знаете, что пансионат наш расположен в бывшей помещичьей усадьбе. Но усадьба здесь была давно, еще до революции. С пашнями, прудами, лесом... Потом, рассказывают, здесь коммунары обосновались. Экспроприация, коллективизация, обобществление... «Мы – кузнецы, и дух наш молод, и вместо сердца – пламенный мотор». Короче, загнали они богатое некогда имение. Пашни оскудели, пруды обмелели... То есть развалили своим дебильным общественным трудом налаженное некогда хозяйство. Вскоре мертворожденное товарищество захирело, люди разбежались... Бог весть сколько дымов пожарищ и ветров перемен пронеслось над нашей Липовкой, пока не заселили разоренное гнездо нашим братом.

Если смотреть правде в глаза, то для демократического государства, где «все равны», негуманно уставших душой помещать в бесприютную пустошь. Но как бы там ни было, «дураки» сделали чудо – вернули к жизни истощенную землю, вычистили барские пруды, разбили сад, развели скот. Соорудили кое-какие мастерские, и – пошло дело! Живем мы богато, только умоляю, никому не говорите. Про нас как будто все забыли, а нам того и надо... Впрочем, ладно, коли уж сболтнул лишнего, так скажу главное – почему у нас такой достаток и благолепие. А потому изобилие у нас и покой, что нет у нас никакой обязательности и насилия. Никто никому ничего не должен и ничего не обязан. Никто ни за что не борется. Ни за высокие надои, ни за урожайность, ни за трудовую дисциплину...

У нас подобных глупостей нет. Захотел я сегодня кроликов покормить – пошел и накопил травы... Захочу рыбалкой заняться – пойду на пруд к мужикам невод заводить. Захочется мне шкатулку резную сделать – в мастерской сколько надо пробуду, и никто меня не выгонит.

А можно и вообще ничего не делать. Бывает, три-пять дней похандришь, подремлешь. Ну и что? Зато психика быстро в норму приходит, я не нервничаю по пустякам, меня никто ни к чему не принуждает! Отдохнешь, сколько надо, и опять за дела, ибо скучно ничего не делать.

Ведь если ты нормальный человек, обязательно что-то делать захочется. Кто в земле любит ковыряться, кого к коровенкам тянет... Вот так и живем: вроде все вместе, но не стадо; вроде и работаем, но не рабы... Однако, умоляю, никому об этом ни слова. Не надо дразнить гусей. Иначе полстраны побросает постылые свои станки, конвейеры, машины, конторы, к которым на всю жизнь, как гайки прикручены, и к нам ринутся... Я против ничего не имею, но где места на всех напасть...

– Ты что же, быдло паршивое, мне голову крутишь?

– Что? – я вздрогнул от неожиданности.

– Через плечо и в ухо! – буркнул Мишаня.

Я прижал покаянно руки к груди. В самом деле, замечтался, забыл о друге.

– Ты о чем, Миша? – спросил я ласково.

– Пусто у меня в калгане, понимаешь, хрен ты старый? Ничего хорошего на ум не идет.

– Ну и не надо! – успокоил я Мишаню. – Смотри кругом и радуйся. Вон лес неподалеку. Там птицы гнезда свили, зверьки всякие живут. Бурундук на зиму запасы готовит, всякие зернышки-орешки в норку прячет.

– А бурундук это что? – спросил Мишаня.

– Это мышка такая большая, черные полосы у нее вдоль спины. Он за щеки набьет всего, а потом в кладовой своей все и сплюнет...

Мишаня засмеялся. Он с интересом слушал незатейливый мой рассказ. Лицо его с чистой матовой кожей было прекрасным в этот миг и светилось загадочно, как икона. Я невольно залюбовался парнем и прервал свой рассказ. Мишане это не понравилось, блаженство растаяло на его лице, он нахмурился:

– Что же ты замолк, падла? Или тебе буркала вынуть, чтобы не пялился?!

– Пойдем в лес, посмотрим, что там есть интересного, – предложил я.

– Ботя, засранец дорогой, ты же знаешь...

– Да куда ты не потеряешься, – я дам тебе руку, и мы будем все время рядом...

– А если ты вдруг умрешь? – простодушно поинтересовался Мишаня.

– Почему это я должен вдруг умереть?! – я начал сердиться. – Такой день славный, жить да радоваться... А ты – «умрешь»... Как же тогда ты без меня будешь?

– Вот это и страшно, – признался мой юный друг. – И ты ведь, Ботя, умрешь, подохнешь... Знаешь, козлик, как это печально будет для меня.

– И для меня тоже...

– Я когда в первый раз это представил, что один останусь, без тебя, у меня вот здесь что-то лопнуло – Мишаня дотронулся до груди.

– Ерунду говоришь, Миша. Тебе только семнадцать лет. Самое время жить, надеяться и радоваться.

– Что ты... порешь, старый осел! Ты же знаешь, что у меня ничего нет.

– Пока нет. В семнадцать лет всегда кажется, что ничего нет и не будет, но это не так, сынок...

От этого моего последнего слова (и как оно так по-глупому выскочило), лицо у Мишани позеленело и пошло белыми пятнами.

– Еще раз... гаденыш... еще раз назовешь меня так... Я молча обнял Мишаню, хотя знал, что делать этого нельзя ни в коем случае. Но я же человек, черт побери...

Я обнял Мишаню, но он не стал, как всегда, биться, плевать и кричать. Он как-то съехал у меня под руками, этакий безропотный червяк-заморыш, вот-вот ускользнет из рук. Я никак не ожидал такого, и уже начал думать о чудесном перерождении Мишани. Но я ошибся.

– Я прощаю ЭТО тебе... моржовый, только потому... только потому...

Он больше ничего не сказал, вырвался у меня из рук и помчался по лугу. Он мычал что-то, задрал голову к небу, размахивал руками и бил кулаками себя по голове. Вдруг он заревел

неожиданно густым басом, я даже вздрогнул – откуда силища такая взялась? Уж не прощальный ли это крик смертельно больного, обреченного человека?!

Мишаня дрыгнул ногой, подскочил как-то боком и ринулся на копну сена, будто желая развеять ее в пух. Со всего разгона он врезался по плечи в сгребенное сено, да так и остался торчать с этой нелепой шапкой на голове из клевера и сухих васильков.

Я подбежал к Мишане и тронул его пальцем. Я боялся теперь прикоснуться к нему и что-либо говорить. Я просто дал знать, что я здесь, с ним рядом...

Наконец он высвободил голову, взглянул на меня пронзительно остро:

– Я скажу тебе, гад, почему на... не переношу всех этих... нежностей...

– Мишаня дышал прерывисто и внимательно смотрел мне в глаза, надеясь найти там сочувствие и интерес.

Мне и в самом деле хотелось узнать эту странную особенность Мишани.

– Я мог бы... не вякать про это, но... срок пришел. Так слушай, старый крот. Я тогда совсем малой был, только лопотать начал, но все, мля, понимал. Тот вечер хорошо помню. Свет не зажигают. К матери хахаль очередной пришел. Вино пьют, хавают... Я в углу своем играю. Писять захотел, а мать уже нажралась, кривая сидит, ей все до... Я тогда в штаны надул. Мокро, противно, я взял и снял на... эти штаны. И хахаль этот тоже, смотрю, штаны свои снял, голый по матери ползает, кровать вот-вот развалится... Я потихоньку к столу пробрался. Хлеба съел, картошку вареную нашел... И коробка какая-то на столе. Открыл ее – цветочки какие-то мягкие и сладкие... Вкусно! Я их пальцем все и сметал, эти цветочки. Перемазался весь в креме. А тут вдруг свет зажгли. Слышу голос матери:

– Смотри, что этот сучонок впотьмах натворил. И смеются оба. И мне весело. Мать подходит и говорит: «Что, понравился тортик?» И по головке меня гладит и приговаривает: «Ах ты говнюк мой подзаборный, выродок треклятый... Н-на тебе тортик!». И надела мне эту большую сладость на всю харю мою довольную, держит так и смеется. А мне дышать нечем, крикнуть даже не получается... Пока всю морду мне не измазала, не отпустила падла... Вот с тех пор у меня это и началось...

Я не знал, что сказать в ответ на этот жуткий рассказ...

– Ерунда! – фальшиво воскликнул я. – Все поправится, Миша. Мы тебя еще женим на нашей Насте. Или Оленьке. Вон, какие славные...

– Не вякай, Ботя, а то пасть порву, – остудил меня Мишаня. Он вздернул на плечо свой мешок и побрел к дороге. Потом обернулся:

– Я тебе еще одну вещь должен сказать, но это потом, ублюдок мой дорогой...

– Хорошо, хорошо, согласился я. – Пойдем, Миша, кроликов кормить, они уже заждались...

Глава четвертая. Мишаня

Да, так я не успел про Мишаню досказать. Значит, привели его к нам совсем немым. Где он жил, что с ним было, матушка Тереза не говорила. Она вообще никогда ничего не рассказывает. Приходит к нам откуда-то раз в два-три года совсем ненадолго. Кого-то приведет в нашу обитель, а кого-то, напротив, с собой уведет. И тогда он уже никогда не возвращается к нам.

С Матушкой Терезой хорошо, многие хотели бы уйти с нею в странствия, да не всякого она берет с собой... Ну так вот, оставила она нам тогда Мишаню, а с собою увела старую Аглаю. Это была рыхлая угрюмая старуха с серым лицом. Древняя-древняя. Лежала она долго не вставая, и не ела почти ничего, и не говорила. Ухаживали за ней сердобольные люди – обмывали ее, горшок выносили... А когда матушка Тереза к нам заявила, вдруг старая Аглая как бы на поправку пошла. Встала, сама умылась и косу даже заплела. Хотя какая там коса – хвостик крысиный. Платье свое самое лучшее надела и вышла во двор к матушке Терезе. А та улыбнулась Аглае и ручкой так поманила, как младенцам делают: иди, мол, сюда. И ушла она с матушкой Терезой по долгой пыльной дороге в неведомые края...

Ах, да, опять я не о том! При чем здесь Аглая? Ее уж забыли, наверное, все. Это я помню так хорошо потому, что в тот день, когда она ушла, к нам Мишаня пришел. Матушка Тереза его привела, я уже говорил...

У нас новичков любят. Тут же показывают усадьбу, хозяйство, жилые комнаты. Причем каждый новичок сам выбирает, где ему жить. Но этот мальчик был странный какой-то. Во-первых, он женщин пугался. И плакал всякий раз, когда его кто-то пытался приласкать. И даже Бобо не добилась успеха. Тогда я попросил всех женщин уйти и повел его в крольчатник, а потом на голубятню, на пруд...

Мальчонка – дикарь-дикарем. И самое обидное, не говорит! А-а, О-о, Ы-ы... Вот и вся его азбука, попробуй разбери, что он сказать хочет.

– Как тебя зовут? Саша?

– Ы-ы...

– Коля? Вова?

– Ы-ы...

– Миша?

– А-а...

Вот так и познакомились. И жить он стал в моей комнате. Так он решил. Неплохая компания у нас подобралась: Я, Гарибальди Петрович и Мишаня.

У нас на глазах он и вырос. Рыбу в пруду научился ловить, голубей в небо запускать. А больше всего кролики ему понравились. Вот только две странности осталось за мальчишкой: никогда не давал себя погладить, обнять, и один, без людей боялся остаться.

Жили так и жили. Однажды Доктор к нам в комнату влетает. Глаза горят, весь какой-то суетливый. Знаками объясняет Мишане, что надо идти куда-то. А потом вспомнил, что Мишаня-то слышит, говорить только не может, и кричит ему:

– Мама к тебе приехала, Миша! Ждет внизу! Пошли скорее!

Миша как услышал это, переменялся тотчас. Замычал что-то пронзительно-яростное, уши ладонями заткнул и... под кровать полез.

Мы все оторопели, а Гарибальди Петрович от волнения перешел с русского на ломаный итальянский:

– Малчик, ты есть дурачино! Это же твоя ма-ма!

– Но Мишаня глубоко забился под кровать и выл что-то на своем немом языке и шипел, и плевался, и ногами пинался, когда его хотели вытащить...

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта возня, но вдруг с шумом распахнулась дверь и нашим взорам явилась «маман» Мишани. Это была женщина худошавая, со старушечьим лицом, одетая во что-то безликое и незапоминающееся. «Маман», которая пять лет не давала о себе знать, пала вдруг на все свои четыре кости и заглянула под кровать, чтобы узреть там свое чадо.

– Он! Миша! – воскликнула эта странная дама прокуреным и испитым голосом, который для изящества можно было бы назвать «простуженным»

Мишаня еще пуще заверещал, и тогда мама ему сказала:

– Не бойся, сынок, я не буду тебя бить, ты уже такой большой...

Мишаню слова эти не успокоили, он продолжал рыдать в голос. Доктор попросил женщину оставить парня в покое. Я помог подняться ей с пола, взял ее за руки и случайно прочитал на запястье татуированную надпись: «Век свободы не видать». Этот знак многое прояснил мне. Но Миша, Миша!.. Он буквально заходился в истерике, кровать даже тряслась от судорожных его движений.

– Вам следует уйти, – более настойчиво повторил свою просьбу Доктор. Но женщина будто не слышала его. Она села на мою кровать и начала доставать из сумки какие-то свертки и кульки. И приговаривала при этом: «Миша, Миша, Миша»... Так приручают чужую собаку...

– Сейчас пойдешь со мной, у меня есть где жить, С папкой тебя познакомлю... Хватит тебе тут... На, возьми, – и женщина протянула под кровать пирожное на бумажке.

Один взмах бешеной руки и пирожное отлетело под ноги Доктору. Розовый крем заляпал ему ботинок.

– Уходите! – строго приказал он женщине. – Миша не желает вас видеть! Придете как-нибудь еще...

– Да нет, что же это! Как же... – женщина растерялась и снова заглянула под кровать.

– Миша?

Плевков в лицо и угрожающее мычание были ей ответом. Такой выходки «маман» уже не могла простить своему убогому отпрыску. Она отшвырнула гостинцы и тихим зловещим голосом, от которого даже у меня похолодела спина, прошипела:

– Ну, хорошо, щ-щас ты у меня получ-чишь, выблядок нещ-щасный!

И неотвратимо полезла рукой под кровать. От этого Миша пришел, видимо, в состояние дикого ужаса, потому что издал вдруг такой вопль, который просверлил меня насквозь. Гарибальди Петрович и Доктор тоже застыли, как парализованные. Надо было спасать мальчишку, вышвырнуть вон это чудовище, именуемое матерью, но никто из нас даже рукою не смог пошевелить. Нелепейшая ситуация: мать обзывает сына, маленького убогого человека самыми последними словами, пытается бить его, а мы, трое мужчин, стоим, как каменные, в состоянии шока.

И вот в такой момент, когда разъяренная женщина безостановочно изрыгала бранные гнусные слова, среди которых самыми «нежными» были «сучонок», «змееныш», «ублюдок», «дерьмо собачье», яростный и, казалось, бесконечный визг, от которого цепенеет все живое, вдруг прервался. Наступила жуткая тишина, даже «маман» замолкла. Из-под кровати раздался спокойный, негромкий голос:

– Уйди, проблядь, а то убью, сука!..

Это было невероятно: немой мальчишка, который молчал пять лет, вдруг заговорил. Но что это были за слова!

Нам удалось спровадить горе-мамашу, и она ретировалась, не забыв прихватить свои гостинцы. С сожалением посмотрела на разбитое пирожное на полу. Но не подняла. Гордая!

А Мишаню Доктор увел к себе в кабинет. Пробыл Мишаня у Доктора долго, и вернулся к нам совершенно спокойным и – о чудо – по-прежнему говорящим. Однако речь его мало облагородилась.

– Ну что, козлики, – заявил нам Мишаня с порога, – продолжим наше сожительство. Гарибальди Петрович посмотрел на Мишаню, как на призрака.

– Чего рыло выставил, паршивец? – бросил ему Мишаня и брякнулся на свою кровать. Гарибальди Петрович пришел в ярость.

– Как ты сказал, подонок? – взревел он и выругался по-итальянски – О, мама мия, паскудо! – и продолжил по-русски – да меня, щенок, со времен франко-прусской войны никто так не называл! Да я знаешь, что тебе сделаю?!

Пришлось мне вмешаться и объяснить народному герою Италии, что у мальчишки на почве нервного шока прорезалась речь, но в болезненном проявлении, как следствие трудного детства. Что он без злобы употребляет бранные слова, поскольку других, обычных, видно усвоить не сумел...

При этом Мишаня косил на меня внимательным глазом, и когда Гарибальди Петрович согласился быть терпимым и снисходительным к странной особенности нашего юного друга, Мишаня в знак одобрения произнес:

– Ты правильно вякаешь, гнида...

Я приветливо улыбнулся в ответ. Я был ужасно рад, что мальчишка, хоть и так своеобразно, но говорит. Говорит! И хотел погладить Мишаню по голове, но он, как и прежде противился всяким ласкам, и мне было жаль, что это печальное качество его осталось неизменным.

Сейчас, когда мы возвращались из лугов с травой для кроликов, я был озадачен обещанием Мишани сообщить что-то важное. Что он задумал? Какая истина открылась ему? Надо было набраться терпения и ждать до поры, пока он сам не скажет. Но беспокойство за парня уже прочно засело в душе моей.

Глава пятая. Бобо

Я хочу дорассказать о том, как мы встретились с Бобо. Это для меня очень важно, и я, наверное, чересчур подробно буду сейчас вспоминать...

Так вот, я сел в трамвай и поехал покупать зонт в самом большом магазине.

Под шарканье сотен ног я обследовал все три этажа этого торгового здания и зонта, к удивлению своему, не нашел. Вернее, зонты были в изобилии, но мне требовался особый зонт! Назло всему я захотел сейчас зонт, которого у меня почему-то никогда не было. Не складной легкомысленный зонтик, а солидный зонт в виде трости. Вот блажь такая на меня нашла! Я захотел иметь хоть одну достойную вещь в своем гардеробе. Ведь и так живу, как шут...

Во что бы то ни стало я решил купить зонт-трость. Именно сегодня. Вот в такой странной форме проснулся во мне крик отчаяния. Детский каприз начинающего безумца – купить желаемое прямо сейчас. Немедленно. Мне жизненно необходим был длинный черный зонт с массивной рукояткой. Чтобы можно было опереться при ходьбе. Это не автомобиль, не модное кресло «Людовик», просто приличный зонт, который я смог бы полюбить. Мне сейчас не жалко было отдать все деньги за этот зонт, но такого зонта: с массивной ручкой, с блестящей кнопкой, с черной матовой тканью, не было.

Я превратился в борзую собаку: подтянутый живот, длинные ноги, язык на плече и – длительная гонка за добычей... Я объездил полгорода. Чего только не видел на прилавках. Причудливого вида обувь, пиджаки и платья на любой вкус, невероятно дорогие галстуки, какая-то галантерейная мишура, залежалые рулоны мануфактуры, похожие на снаряды без запалов... Море нужных и ненужных вещей, но желанного зонта в этом море не было...

Я бултыхался в месиве толпы, которая беспрестанно двигалась вдоль прилавков, шаркая ногами, шуруя локтями, шмыгая носами, шевеля губами, шумно дыша и сопя, вращая головами, двигая ушами и усами... Это тупое шествие неизвестно куда, продолжается из года в год; измученные, отупевшие люди бездумно глазят на прилавки в стремлении купить что-то необходимое, желанное, или хотя бы увидеть что-то радостное и доступное.

Плечи, локти, спины, груди – вот окружение мое. Не люди, а тела, им осталось только испустить дух, чтобы стать полноценными покойниками. Умерли они уже давно в этой бесконечно движущейся очереди, в этом шествии за собственным гробом; умерли, но не осознали этого, потому что давно отучились думать, и под нескончаемое шуршание ног забыли главное – для чего появились они на свет!

Я решил во что бы то ни стало занять зонтик-трость. Другому нужны подтяжки, третьему лезвия для бритвы, четвертому – духи или крем, пятому – что-то еще... И все надо искать, сравнивать, выбирать... И так из года в год движется в нескончаемом поиске нескончаемый поток людей... Эта патока из потных человеческих тел течет и течет, дыша и сморкаясь, сверкая глазами и кашляя, плача и ругаясь... Масса, толпа, стадо! Кто-то переодевается на ходу, кто-то меняет истрепанную обувь и дальше, дальше, в пустоту, в таргарары, в могилу... Даже на кладбище слышен тот же шорох ног, шепот, шелест слов и веток, который не заглушает шмяканье комьев земли о крышку гроба...

В какой-то момент мне стало страшно. Я оторопело стал выбираться из этой раз и навсегда заведенной на бессмысленное движение толпы. Не надо, не надо мне этого зонта! Я передумал! Я пошутил! Только выпустите меня. Дайте постоять в стороне и побыть одному! Но нет, поток крепко захватил меня. Подобно изюминке, замешанной в тесто, я был почти обречен на вечную несвободу. Неведомая сила заносила меня в автобусы и трамваи, вела по заплыванным мостовым, истертым ступеням с этажа на этаж. Я, как олух, твердил одно и то же: «У вас большие зонты есть?» «Мне нужен зонтик – трость!».

Таких зонтов не было. Были всякие разные складные, женские, детские, но такого, какой я хотел: с коричневой костяной ручкой, с кнопкой-автомат, и который готов был купить на последние деньги и полюбить, не было.

Меня мяли, тискали, толкали... Я куда-то ехал, пересаживался, опять ехал. Вдруг ко мне протиснулся кондуктор и велел показать билет. Я показал билет на проезд в автобусе, и кондуктор сделал в нем дырочку компостером. «Почему он сделал дырочку? Откуда компостер?». Я хотел спросить кондуктора, но его уже сжевала толпа вместе с его форменной фуражкой. Я огляделся и увидел, что еду не в автобусе, а в электричке. Бог мой! На первой же станции я спешился и стал искать путь назад. Я не знал, куда мне ехать. Забрался кое-как в беременный толпою троллейбус и поехал на авось. Меня выбросило потоком на какой-то остановке и понесло под землю. Я только переступал ногами, чтобы не упасть и чтобы меня не растоптали.

Я вновь оказался там, где уже был – в самом большом магазине города. Кинулся к выходу, но это был вход и против встречного потока людей я не устоял, повернул вспять. И опять шел мимо прилавков...

Я был готов сойти с ума, но тут случай помог – какая-то энергичная тетка с пухлыми руками ухватила за меня и потащила к вешалкам в середине зала, где висели пальто, тоже выстроенные в очередь. Одно из этих пальто с овечьим воротником тетка стала напяливать на меня, приговаривая «он такого же росточку». Я дернулся, стал вырываться, что-то объяснял ей, угрожал и махал руками, пока не задел какую-то витрину, и она взвизгнула разбитым стеклом. Движение вокруг на секунду остановилось, затем опять пошла с гудом и шипением конвейерная лента из человеческих тел. Но я был уже не с ними. Я стоял наособицу возле побитой витрины и оторопело смотрел вокруг. Ко мне подошел охранник, потом прибежала какая-то женщина с торговой эмблемой на груди. Я достал деньги, на которые хотел купить зонт, и отдал их с легкостью и просил вывести меня отсюда на улицу. Я обещал быть хорошим и никогда больше не приходить сюда. Меня вывели через какую-то маленькую дверь, и я оказался в тихом дворе. Сел на пустой ящик и перевел дух.

Медленно-медленно брел я пустырями к дому. Мне некуда было деться, и я знал, что рано или поздно должен вернуться к людям. Это мой крест. Я обречен жить среди них, и пора бы давно к этому привыкнуть, а я вот никак не мог...

Серую бетонную коробку своего дома я увидел издалека. Вот сейчас войду в подъезд... Вонь от мусоропровода, загаженный лифт... Соседи с четырех сторон. Привычные их звуки: пьяные скандалы наверху, почти непрекращающийся скрежет кровати за стенкой справа, где живут молодожены. И только у соседей слева – тишина. Там живут старики.

Ничего, жить можно. Жилье у нас не выбирали, жилье у нас давали. И то не всем. Где дадут, там и живи всю свою жизнь. И радуйся. Я оглядел серую скалу с множеством окон, этот безликий и чудовищный человеческий муравейник. Среди множества окон, задраенных от ненастья, одно, на седьмом этаже, было широко распахнуто. Из него, высунувшись наполовину, свисало человеческое тело: женщина с растрепанной головой и простертыми к земле руками, синими, болтающимися как плети. Что с нею случилось, можно было догадаться. Скорее всего, женщина высунулась из окна, чтобы позвать на помощь, да так и не дождалась ее.

Под окном стояли две женщины. Они бурно рассуждали о том, что дверь заперта, а сломать некому. Я бросился по ступеням вверх, забыв о лифте. Дверь с помощью топора ломали двое мужиков-соседей. Мы поднажали разом, и дверь рухнула, открыв прямоугольник прохода.

Женщина, в окне, увы, была уже мертва. Ее положили на старый диван в пустой, обшарпанной комнате с грязным потолком и бесцветными обоями.

– Отмучилась, – сказал какой-то старичок в пижаме и пошел вон.

– «Скорую» кто-нибудь вызывал? – спросил я. Молчание было мне ответом, хотя десятка два любопытствующих с интересом разглядывали труп и с еще большим интересом обменивались предположениями: как и почему могло такое случиться.

– Наверное, – ответил кто-то сострадательным голосом.

Я ощутил неудобный повтор жизни. Было уже со мной такое, было... С чего же все началось? Ах, да...

– Вы не знаете, где можно купить зонт?..

Во дворе я сел на лавку возле подъезда. Так устал, что казалось, до своей квартиры не доберусь. В ушах стоял невнятный гомон толпы, звон разбитой витрины, шарканье ног, лязганье дверей трамваев, автобусов и электричек. И голоса, голоса... Перед глазами закрутилась пестрая толпа людей, прилавки магазинов. И, особенно остро, две картинки: мужчина на остановке, задыхающийся под дождем, и эта женщина, вывешенная из окна, как постиранная тряпка... Бывшие люди!..

Господи, ведь не так уж давно были они детьми. У них были папа и мама. Быть может, им повезло, и они застали в живых бабушку и дедушку. На маленьких людей смотрели чужие дяди и тети и думали про себя: вот они, дети – наше будущее... Прошли годы, и вот оно, будущее. Какой обман, какой чудовищный обман! Зачем детей мешать с будущим? Кому это пришло в голову? Я вскочил со скамьи в бешенстве от этой дикой несправедливости. Неужели и мои дети, когда вырастут, станут никому не нужными и вот так закончат свой век? – вопрошал я себя, и голос внутри ехидно усмехнулся: «Еще и хуже может быть...».

Мне никогда не было так страшно. Никогда!

Я стоял под серым бесконечным дождем посреди своего двора у подножия серого и плоского дома-утеса. В этом утесе была моя норка под номером 54, и там я мог спрятаться на время от этого кошмара. Нет, не спрячешься никуда, если уж знаешь это необъяснимое НЕЧТО, которое вселило в тебя страх, растерянность и боль.

Я стоял сейчас посреди мертвого мира, мертвец без зонта, под дождем. Вода с волос неприятно стекала за уши, и мне казалось, что это не вода, а кровь, как будто мне незаметно проломили голову. Но меня это не заботило. Мне уже давно ничего не надо: ни здоровья, ни денег. Ни-че-го. А сейчас – особенно. И эта нелепая прихоть с зонтом – была моя последняя глупость. Простите меня, о люди, ничего мне от вас не надо. Заберите себе все то, что положено мне – и зонт, и еду, и одежду. Можете забрать даже воздух, если вам так нравится им дышать. Мне он не нужен!

Нестерпимо болела голова. И за воротником уже было достаточно крови, вся спина в крови, и еще течет...

Ко мне подбежал мальчонка, в соплях, чумазый, в грязной курточке с капюшоном. Я узнал его – мы жили в одном подъезде.

– Дядя, – сказал он голосом уставшего, пожившего человека. – Там пьяный лежит. Убей его!

Я и сам был едва живой, вода с неба, капля за каплей терзала мой обнаженный мозг. Плохо соображая, я двинулся вслед за мальчиком к своему подъезду и увидел Безногого. Его квартира была на девятом этаже, а лифт доезжал только до восьмого. И целый этаж ему приходилось на руках волочить свое укороченное наполовину тело и впридачу к нему – самодельную тачку на четырех подшипниках-колесах.

Я сочувствовал Безногому и спросил однажды, когда мы встретились в лифте, почему он живет не на первом этаже, а на девятом, куда лифт не доходит.

– Так советская власть распорядилась, – ответил Безногий и злобно посмотрел на меня, будто я и был этой самой советской властью. Больше я с ним не разговаривал. Даже имени не знал его.

Безногий все лето сидел на лавочке под козырьком нашего подъезда. В компании с ним я видел одни и те же испытые рожи. Кажется, они тоже жили в нашем доме-утесе, в таких же бетонных норах под номерами, как и моя.

Сейчас Безногий торчал на лавке, как пенек, как матрешка, как ванька-встанька. У лавки стояла его самодельная коляска – две доски на четырех подшипниках. В руках Безногого была палка, и он нещадно колотил ею свою коляску, эти свои ноги, эту свою грубо сработанную судьбу. Старик плевался, выкрикивал замысловатые проклятья, адресованные неведомо кому. Картуз его, ветхий и старинный, сбился набок, пеннистая слюна капала с подбородка, а он все колотил и хрипел бранные слова, и красные глаза его не видели ничего.

– Убей его! – еще раз приказал мальчик.

– Не надо. Он больной, не пьяный, – ответил я.

Тогда мальчик плюнул мне на брюки и побежал, не оглядываясь и далеко. Я долго смотрел, как бежит наше будущее, и никто не мог мне сказать, куда же оно бежит-спешит?

Кое-как добрался я до своей двери на третьем этаже. После сегодняшнего дня мне осталось только одно – стреляться, чтобы больше не мучиться. Кровь уже не бежала за воротник, но мозги все еще торчали наружу.

Я разделся, лег в постель и в сумеречном свете уходящего дня стал расстреливать длинными очередями свою жизнь...

Глава шестая. Лаврентий Палыч

Вы видели когда-нибудь отъявленного мерзавца? Хотите посмотреть? Взгляните на нашего Лаврентия Палыча!

Гаденькое пенсне из проволоки, кривое и без стекол, мерзкие зубки, как у злого мышонка. А самое отвратительное у него – это вечно ухмыляющиеся глазки. У нормального человека – глаза, а у этого – глазки. И лицо рыхлое, кожа дряблая... Не лицо даже, а рожа, насиженная задница.

Вот такой мерзавец. Хотя ничего плохого вроде бы не делает. Часто рубит дрова на кухне и постоянно напоминает о том, что последний русский царь Николай II тоже вместо гимнастики любил колоть дрова. Это называется мания величия. До Наполеона-Бонапарта этот жалкий человечешко не дотянул, а вот роль Лаврентия Палыча пришлось ему по размеру. Во всяком случае, китель полувоенного образца, в которых щеголяли наркомы в тридцатых, сидит на нем довольно ладно.

В нашей славной обители еще два чудака носят форму: начальник пожарной охраны Алеша Мякишев и Почтмейстер по фамилии Чечетка.

Алеша Мякишев в той, вашей жизни, был сержантом военизированной пожарной охраны, командир отделения. Алеша, по его словам, прилежно тушил огонь, разумно командовал своими ребятами, в общем, стал докой в своем ремесле, а все сержант и сержант. И никто не замечает, что он давно уже вырос из своей должности. Тогда он в один прекрасный день пришел на службу в своем же сержантском кителе, но с погонами майора, и явился к командиру пожарной части, тоже майору, и говорит, вот так и так, пора и мне в рост идти, созрел я, и не век же мне в сержантах ходить, давай место мне освобождай, потому как ни черта ты не смыслишь в нашем деле и тебе отделение только и можно доверить.

Ну, командир, конечно, растерялся, потом взял себя в руки и предложил Алеше Мякишеву командовать пожарной частью в другом месте, более лучшем. И перевел его в звании майора к нам. Алеше у нас понравилось. Он быстро нашел союзников в своей непримиримой борьбе с огнем, и сколотил боевую пожарную дружину, которая с помощью ведер и резиновых шлангов способна победить любой непрошенный огонь. Что они однажды и сделали, когда вдруг вспыхнула баня от чрезмерного перегрева.

Но главная гордость майора пожарной службы Алеша Мякишева – наблюдательная вышка у ворот, или, по-старинному – каланча, которую он соорудил по всем правилам со своими помощниками. Помню, в этом деле активно участвовал Лаврентий Палыч. Он настоятельно советовал Мякишеву воздвигнуть еще четыре подобных вышки по углам забора, ограждающего территорию нашей усадьбы. Но Мякишев считал, что достаточно одной вышки. Он подолгу стоял на ней, в своем неустанном дежурстве, выглядывая всякий подозрительный дымок. Часто с ним был там Лаврентий Палыч. Но этот следил за тем, кто что делает. Свои наблюдения он заносил в книжечку, которую тщательно хранил в нагрудном кармане кителя.

Другой форменный человек нашей обители, пользующийся особым расположением Лаврентия Павловича, был начальник почты по фамилии Чечетка. Большого ума человек. До революции, где победили большевики, занимал он пост министра связи и телеграфов. Потом был смещен большевиками как реакционный элемент, но любимое дело не оставил, и в качестве рядового почтового служащего пытался спасти эту важную отрасль от развала. Но что может сделать маленький человек в огромной запущенной стране? Без власти, без голоса, без достоинства... Но Чечетка никогда не был маленьким человеком. И даже под новым гербом почтового ведомства, где он служил в 34-м отделении связи, Чечетка являлся образцом честности и благородства, всегда держал себя в руках. Но все же изредка срывался и ронял слезу отчаяния, когда узнавал, что телеграмма из Москвы до Подольска шла три дня, а посылка из Омска,

будучи отправлена до Томска два месяца назад, так и не дошла до адресата. Он-то, бывший министр почтового ведомства великой империи, знал, как навести порядок. Но кто послушает рядового почтового служащего в синем сатиновом халате? И, в конце концов, Чечетка дошел до отчаяния. Однажды он явился на работу с каким-то допотопным резиновым молоточком и стал гасить им марки на заказных письмах и бандеролях. Только к концу дня начальник почтового отделения номер 34 с ужасом обнаружила, что отечественные марки проштемпелеваны круглой печатью с изображением царского двуглавого орла.

– Вы что это себе позволяете! – закричала начальница почты.

– Так быстрее дойдет, – невозмутимо ответил Чечетка.

Да как ты смеешь, царское отродье, буржуй недобитый... – начальница уже не следила за своей речью, она задыхалась от гнева и страха. Ей не хватало слов, – Ишь ты! Ишь ты! – кудахтала она, представляя, с какой формулировкой ее снимут с работы.

– Ты бы, милая, хоть бы книжки читала, что ли, – попросил Чечетка. – Думать ведь надо! Ду-умать!

И поставил на багровый от гнева лоб начальницы свою печать с двуглавым орлом...

Чечетка часто рассказывал мне этот забавный эпизод. Правда, что было с ним потом, я не знаю, хотя мы с ним большие приятели.

– Главное, что я сохранил этот свой молоточек! – гордо заявляет старик. – Это то же самое, что сберечь свою честь...

И вот этим своим молоточком он штемпелюет почту, которую сортирует и отвозит из нашей усадьбы в районный узел связи.

Мы часто навещаемся с Мишаней в ветхий флигелек, где живет и трудится славный почтмейстер Чечетка. Чертовски уютно сидеть возле топящейся круглой железной печи, колонной подпирающей потолок, слушать, как свистит чайник на плите, и пить чай с баранками под удивительные байки бывшего министра почт и телеграфа Российской империи.

Однажды зимой, в один из таких благодатных вечеров, на почту зашел Лаврентий Палыч. Поправил пенсне на носу и недовольно посмотрел на нас с Мишаней.

– Посторонние в служебном помещении... – буркнул Лаврентий Палыч.

– Ты тоже, засранец, здесь не родственник, – вставил Мишаня.

– Чего тебе надо, Лаврентий? – спросил Чечетка, обмакивая баранку в чай.

– Заказное письмо принес, – ответил Лаврентий Палыч и достал объемистый пакет.

Чечетка дожевал баранку своими старыми зубами, обтер руки о свой дореволюционный камзол с петлицами и бросил конверт Лаврентия на весы.

– Четыре рубля, – объявил наш почтальон и протянул Лаврентию две марки. – Марки наклеиваются слюнями заказчика.

– С чего вы взяли! – возмутился Лаврентий Палыч.

– Такой порядок. Я только что вспомнил. У нас в 34-м отделении всегда так было.

Лаврентий Палыч посопел, затем хорошо облизнул марки и от души припечатал их кулаком в правом верхнем углу конверта. Чечетка ударил по маркам своим чудесным молоточком и с удовольствием полюбовался на четко отпечатанных двуглавых орлов.

– Принято! – объявил он Лаврентию.

– Вы уж, пожалуйста, поаккуратней, – попросил Лаврентий Палыч, – письмо все же заказное...

– Не надо меня учить, любезный, – обиделся Чечетка. – У нас тут Почта, а не какой-нибудь «узел связи»...

Почтмейстер запер письмо Лаврентия Палыча в сейф и для пушей важности опечатал и замок, воспользовавшись для этого тем же своим молоточком.

Лаврентий Палыч был полностью удовлетворен.

– Благодарю за службу, – сказал он величаво и вышел вон.

– Какой мерзопакостный человечешко! – сказал в сердцах Чететка и пошел запереть дверь. Потом он вымыл руки после письма, как после поганого ведра.

– Как он здесь появился? – спросил я Почтмейстера, потому что Чететка жил в пансионате задолго до моего сюда прихода.

– Он как будто всегда здесь был, – не задумываясь ответил Почтмейстер. Раньше Брутом называл себя. Ну, это тот, который Юлия Цезаря ножом пырнул. А в тридцатые годы сделался Лаврентием Палычем. Кем будет дальше, не знаю...

– Откуда такие берутся? – задал я Почтмейстеру простодушный вопрос.

– Обычное дело – мать-природа всех родит. Другое дело, когда грязная пена наверх лезет и верховодит... До революции, помню, таких Лаврентиев полно было, правда, все они на третьих ролях сидели, в кордебалете, так сказать. И ничего, не рыпались, знали свой шесток. Потому что глупость и подлость долго не утаишь... Кому еще чайку? Передай чашку, Миша... Да. А после революции смотрю, кто был ничем, тот становится всем. Причем, отсутствие ума, способностей, компенсируется очень просто – происхождением, партийностью... Если ты из крестьян, а еще лучше – из рабочих, да большевик, да еще и четыре класса церковно-приходской школы закончил – прямой путь тебе в министры, или, по-ихнему, в наркомы!

Я смотрел на начальника нашей почты, который в свое время не примкнул к нерушимому блоку, и потому сохранил свои убеждения, свою совесть, хотя многого и лишился. Передо мною сидел еще крепкий старик с гусарскими седыми усами, в просторной белой рубаше. Золоченый крестик танцевал на тонкой цепочке на седой волосатой груди.

– Вам нравится здесь? – спросил я Чететку.

– Конечно, – не задумываясь ответил Почтмейстер. – Я здесь при деле. И от меня многое зависит... Вы даже не представляете, уважаемый Боттичелли, как много здесь от меня зависит! Быть может, вся наша покойная здешняя жизнь...

Я с удивлением посмотрел на Чететку.

– Да, да, любезный, в моих руках наше общее благополучие. Точнее – вот в этом сейфе. Там лежит бомба, которая способна взорвать покой нашей обители.

– Покажи! – попросил Мишаня. – Ни разу бомбы не видел.

– Пожалуйста, – охотно согласился Почтмейстер. Он сорвал пластилиновую пломбу, отпер сейф и достал... письмо Лаврентия Палыча. Затем он снял крышку с чайника и накрыл его запечатанным конвертом.

– Что вы делаете!.. – закричал я. – Чужие письма читать нельзя! Это преступно! Прекратите сейчас же!

– Я с вами согласен, уважаемый Боттичелли, – Почтмейстер усмехнулся. – Однако во всех странах существует такое понятие, как перлюстрация – просмотр государственными органами почтовой корреспонденции с целью надзора. А если есть такое слово, то должно быть и дело. И учтите, уважаемый Боттичелли, зачастую это делается в интересах безопасности многих людей. Впрочем, сейчас вы сами убедитесь... – и он снял с чайника распаявшийся конверт. Достал сложенные вчетверо листки и протянул мне:

– Заранее знаю, что пишет этот подонок. Клевещет на нашего Доктора и требует его смещения... Это почти в каждом письме Лаврентия, вот они у меня тут, все двадцать шесть!..

Почтмейстер достал из сейфа конверты, подписанные четким прямым почерком Лаврентия Палыча и бросил их на стол.

– Читайте!

– Ни за что! – отчеканил я.

Пока мы препирались с Почтмейстером, Мишаня взял да и пересчитал те конверты.

– Эй, почтарь, тут только двадцать пять писем! – сказал он с ехидцей.

– Что?! – взревел Чечетка и принялся сам пересчитывать запечатанные конверты. Несколько раз он сбивался, принимался считать заново. Наконец, общими усилиями мы пересчитали – двадцать пять неотправленных писем.

– Может их и было столько? – спросил я Чечетку. Тот только пренебрежительно глянул на меня.

– Ой, дурак я дурак! – бил себя кулаком по голове Почтмейстер. – Как же я так просмотрел!..

У бывшего министра почт и телеграфа лицо стало неузнаваемым от ужаса. Я понимал его. Если он говорил так, как оно было, то, действительно, достаточно было одного письма... Как реагируют на «сигналы» с мест чиновники в Стране Дураков, я хорошо знал.

– Как же оно ушло? – допытывался я.

– Не знаю, не знаю... – бормотал Почтмейстер. – Бес попутал. Полтергейст. Ведь последнюю почту я, как всегда, отправлял сам, проверял каждый конверт...

Чечетка перерыл весь свой сейф, но конверта так и не нашел.

– Все, – сказал он обреченно, – это конец!.. Идите вон, – предложил он нам с Мишаней, и мы ушли от греха, ничуть не обидевшись на отчаявшегося Почтмейстера.

Все-таки зря он переживал. Письмо, адресованное в Государственную думу, в правительство или напрямую Президенту из нашего пансионата, вряд ли может представлять какую-либо опасность...

Так я пытался утешить себя. Ах, как я заблуждался! Я не учел, что письмо Лаврентия Палыча было отправлено в Страну Дураков. А там здравый смысл в расчет не идет.

Глава седьмая. Бобо

Итак, я лег в постель и длинными очередями стал расстреливать свою жизнь.

Вот мальчик в штанах на помочах – Лето – Куст малины, с которого уже кто-то общипал зеленые ягоды – В руке булка с маслом, посыпанная сахаром – Двухэтажный деревянный барак – Форточка на первом этаже – Мама кричит: «Вася, домой!».

Первое в жизни путешествие – Бабушка со старомодным саквояжем – Поезд – Чай в красивых подстаканниках – Море – Чайки – Белый пароход – Теплый город Одесса – Крыса средь бела дня перебегает трамвайные пути – Севастополь – город-герой – Печальный и красивый памятник погибшим кораблям.

Новенький портфель – Букет в руке – Бабушка довела за руку до школы – Очень страшно дальше идти одному – Здравствуй, дети, меня зовут Антонина Андреевна – Она живет в нашем бараке – Сегодня утром первая моя учительница выносила ведро на помойку в калошах на босу ногу – У меня не выходят палочки – Учительница садится рядом за парту и берет мои неумелые пальцы с накрепко зажатой ручкой в свою руку – От Антонины Андреевны пахнет селедкой с луком и она икает.

Река за пустырем – Песчаный берег, заросший ивняком – Удочка, срезанная тут же – Поплавок на воде пляшет – Борька Корнилов, мой дружок – На свалке он нашел гранату – Пойдем, кинем? – Подожди, клюет... – Ну, я в овраге буду... – Взрыв – Милиция, санитарная машина – Большой клеенчатый мешок – Борька...

Мне тринадцать – Мама умерла от рака на диване в большой комнате – Я был в школе – Ее увезли – Бабушка дает мне валерьянку – Отец молчит, как чужой.

Чужой большой город – Чемодан старинный, отцовский, фибровый с металлическими никелированными уголками – Студенческий билет – Койка в общежитии – Свобода, и дом безвозвратно далеко – Теперь на пять лет я не один – Ах, лучшие мои друзья-подружки – Вино и песни при свечах – Объятия на темной лестнице – Ничего в будущем, все в настоящем.

Диплом – Распределение – Вся жизнь впереди – Время только начало отсчет – Захолустный городок – Инженер на маленьком заводе – Опять койка в общежитии – Не нужен никому.

О, чудо! Рядом – родная душа! – Свадьба в чужом доме – Жена, Муж – Квартира на две недели, пока хозяева в отпуске – Медовый полумесяц – Скитания, узлы, коляска детская, она же и кровать – Восемь квадратных метров – Кровать, столик и один стул – Рай в шалаше – Ночь на коммунальной кухне – Над головой пеленки – Сверху капает на чертежи – За стенкой спят родные люди – Счастье.

«Счастье не вечно, Люсьен ушла... Нищий просит в раю... У того же угла сам я теперь стою... Бросьте монетку, месье и мадам, я подниму, мерси!».

Другие города – Хорошо там, где нет нас – Дорога без конца, но были встречи... – Пустая дача – Октябрь – Свечи неверный огонек – Глаза в глаза и чувство, что не можешь жить, как

хочешь. И с кем, и где... И все не так – Нет, нет, все так, есть с кем, есть где и как – Но сила свыше против, против – Ты вновь один и пред тобой дорога без конца...

«Дяденька, там пьяный, убей его!»

Как скучно жить – Усталость вековая – Пора идти уж камни собирать – Пора, пора, мой друг, пора... – Но нет такого топора. И гильотины, которые б тебя спасли – Лишь только спины, спины, спины холодных волн, и ты в пучине без руля и без ветрил...

Ну, вот и все, к чему о жизни вспоминать, такой пустой и неуклюжей. Не так хотелось ведь прожить. Но как же быть? Опять терпеть, опять стоять, не смея падать? И это все, чем жить осталось?

Признаться честно, я устал расстреливать пустую свою жизнь. Она, как дым, как воздух, как туман неуязвима, и пули пролетают безболезненно сквозь нее. Конечно, я старался не бить по больным местам, и потому детей своих не вспоминал. Они живут без меня и не моя в том вина. У многих так, и к этому постепенно привыкаешь, как свыкаешься с неизбежностью смерти.

Нет, не люблю я свою жизнь. Даже вспомнить нечего. Я жил, как все, прошел сквозь те же двери... И никому не интересно, как жил я и чем живу теперь. На что надеюсь и куда иду? Давно пора понять, признать, что ни к чему я не приду. Так что ж, стоять, как пень гнилой, до той поры, пока не рухнешь? Или брести, абы куда?.. Нет, хватит...

Как настоящий мужчина я должен достойно оставить свои позиции. На войне, как на войне... Не бежать, не стонать и не сдаваться в плен, а просто пустить себе пулю в лоб. Нужно всегда оставлять для себя последний патрон. Сейчас я его найду...

Была уже глубокая ночь. Бетонный муравейник моего дома утомился. Даже кровать за стенкой, у молодоженов, не скрипела. Рана в моей груди уже не кровоточила. Я был абсолютно спокоен. Вспомнил, есть ли в моем доме крепкая веревка и куда лучше ее подвесить.

Я нащупал на тумбочке сигареты и спички. Закурил. В короткой вспышке света глянул на циферблат часов. Без пяти три. Магическая цифра. Тройка, семерка, туз... Какой-нибудь прозектор потом напишет в заключении: «насильственная смерть посредством удушья наступила около трех часов ночи...». А веревка у меня есть – капроновый шнур на балконе для сушки белья.

Я курил последнюю свою сигарету в могильной тишине спящего города. Скоро, совсем скоро тишина эта станет вечной моей спутницей, и я найду, наконец, долгожданный покой. Надо только немного потерпеть.

Как тихо! Даже слышно тиканье наручных часов, лежащих на столе. Но вот еще какой-то звук. Вроде бы шаги по лестнице. Да, кто-то идет тяжелой походкой. Кто это? Загулявший Дон Жуан возвращается домой на нетвердых ногах? А, может, ОНА за мной идет?

Я чутко вслушивался в каменный шелест ступеней. Все ближе и ближе шаги... Вот они уже на моей лестничной клетке, вот затихли перед моей дверью... Я замер в ужасе. Теперь я несколько не сомневался, что это ОНА пришла за мной. Вот сейчас постучит, и у меня остановится сердце. Я поспешно раздавил окурочек в пепельнице и приготовился к самому худшему. Оказывается, и веревки никакой не надо, ноги мои уже стали коченеть.

Но никто не звонит. ОНА просто стоит и ждет моего конца. Интересно, как ОНА выглядит? С косой? В белом балахоне? С черепом вместо лица?

Любопытство оказалось сильнее страха. Я поднялся со своего смертного одра, зажег свет в комнате, прихожей и широко распахнул входную дверь.

У порога стояла женщина моих примерно лет. На ней было темно-вишневое пальто из кожзаменителя, растоптанные желтые сапоги и цветастый платок, неуклюже повязанный на голове. Лицо ничем не примечательное, усталое, даже какое-то тусклое.

– Вам чего надо? – еде выдавил я.

– Скажите, какая здесь улица? – тихо спросила женщина.

– Что?!

Я начал возвращаться к жизни. Фантазер чертов, навывдумывал бог весть что, а это всего-навсего подвыпившая бомжиха занимается ориентировкой на местности.

– Что?! – Еще раз завопил я. – Да как ты смеешь в такой час... Да ты... Да я сейчас... – От негодования слова застопорились в моей глотке. Чтобы не надеть глупостей, я захлопнул дверь и пошел на кухню. Попил воды прямо из чайника и сел в глубоком раздумье. Почему для того, чтобы узнать название улицы, надо было подниматься на мой третий этаж? Да и дом мой вовсе не у дороги... В голове вдруг выстроилась стройная цепочка: мой дом находится в третьем порядке от дороги, у меня третий подъезд, третий этаж. И времени – ровно три часа! Нет, не случайно все это. Мистика!

Я бросился к двери, распахнул ее. Женщина стояла все в той же позе покорного ожидания. Нет, вовсе это не подгулявшая развратница! Усталая путница явилась ко мне в дом.

– Проходи! – сказал я, и незваная гостья вошла в прихожую.

Теперь я лучше рассмотрел ее лицо: два синих глаза и печальные складки возле рта. И никакой косметики. А волос не видно – лоб закрыт платком.

– Не бойся, Василий, – успокоила меня гостья, – я тебе ничего плохого не сделаю.

Опять глаза мои полезли на лоб:

– Что?! Откуда ты меня знаешь? Кто ты? Чего тебе надо?

– Я твоя боль, – просто ответила женщина. – Узнала, что тебе совсем плохо и пришла.

Можешь звать меня Бобо.

Я впервые видел так близко сумасшедшую и, честно говоря, не знал как себя вести. Лучше всего было принять предложенные правила игры, обратить всю эту нелепицу в шутку.

– Так откуда путь держишь, Бобо?

– Из Н-ска!

В Н-ске жили мои дети, это меня насторожило.

– А что ты там делала?

– Н-ск – последнее место, по которому болела твоя душа. А теперь она не болит. И теперь я буду с тобой.

– Жить что ли? Сожительствовать? – Я глупо рассмеялся, оценивающе оглядывая невзрачную гостью – Ты хоть бы разделась, в комнату прошла. Может, чаю хочешь?

– Хочу, – развязывая платок сказала Бобо. – У меня даже конфеты есть. И она достала из кармана два соевых батончика.

Нет, это был не сон. Передо мной стояла моя боль во плоти. Не бог весть что, но человек, живая душа.

Бобо повесила свою клеенчатую одежду на вешалку осталась в простенькой юбке и самовязаной кофте. Волосы у нее оказались пепельного цвета.

Я предложил гостье умыться с дороги, а сам пошел на кухню разогревать чайник. Непредсказуема жизнь, потому и интересна. Пять минут назад меня не должно было быть на этом свете. А сейчас я встречал гостей и подогревал чай. Ну надо же, «зови меня Бобо». Это детки малые, когда им больно, говорят: «бо-бо» или «ва-ва». Ну, что же, остается и мне имя поменять. За компанию. Жили-были Вава и Бобо... Интересно, чем все это кончится? Мне вновь на время захотелось жить.

В ванной зашелестел душ. Мне почудилось, что сумасшедшая гостья что-то поет. Черт с ней, пусть переночует, решил я и быстренько развернул раскладушку и застелил ее чистым

бельем. В конце концов, стены моей халупы многое повидали. Им не привыкать. Мне тоже терять нечего.

Чайной заварки у меня давно не было. Пришлось запарить в термосе разную траву – мяту, полынь, душицу... Сам собирал. Каким-то чудом оказались у меня масло и хлеб. Если нарезать соевые батончики кружочками, получится как бутерброд с колбасой.

Вышла, наконец, моя гостья. С чалмой из полотенца, посвежевшая и даже румяная. Я невольно оценил ее женские достоинства и невольно подумал: можно ли переспать со своей Болью, или она из разряда ангелов-архангелов?

– Ну, вот, Вася, ты уже начал оживать! – сказала Бобо, мельком глянув на меня. Я молча разлил чай. Мне показалось, она угадывает мои мысли.

– Как же ты меня все-таки нашла? – спросил я, чтобы не молчать.

– Это не главное. И ты не то хотел спросить. Такая пронизательность меня стала раздражать.

– Да я вообще ничего не хочу знать!

– Не лги, Вася, – Бобо засмеялась и прихлебнула из чашки. – Ты думаешь, откуда я все про тебя знаю, уверен, что я сумасшедшая, а объяснить все это не можешь. И не пытайся. Ты проверь меня. Вспомни, о чем душа твоя болела, а я скажу, чем дело кончилось.

– А-а, ты цыганка! – Радостно воскликнул я. – Теперь-то мне все стало ясно.

– До чего же ты глуп, друг мой, – устало сказала Бобо и с укором посмотрела на меня.

Такую наглость я стерпеть не мог.

– Ты чего себе позволяешь? – осадил я гостью. – Думаешь, если я тебя не выгнал, а пустил как порядочную в свой дом, так можно хамить?!

– Ты вдвойне глуп, Вася, – с прежней усмешкой сказала Бобо. – Думаешь легко быть болью такого вот... извини, больше не буду. Но сам посуди, о чем у тебя душа болела все эти годы! Разве ж это нормально?! И мне приходилось быть там... Вот твой друг Сева Альбатросов, учились вы вместе в институте... Сочувствовал ты ему, что он со своей светлой головой торчит на паршивом заводике в захолустном городке в должности рядового инженера. Живет с женой недалеко, троих детей настрогал и в вечных заботах о хлебе насущном. Не смог поехать учиться в школу менеджеров по этим причинам. Но это ты, Вася, считаешь, что твой друг должен идти в рост, развивать свои способности. А ему давно плевать на все. Он завел садовый участок, купил машину, трескает водку и имеет двух любовниц. Ты тут за него переживаешь, а он совершенно благополучный в своих глазах человек...

– Не ври! – перебил я эту чушь, которую несла сумасшедшая. – У меня есть его письма. Там сплошные вопли и слезы по несостоявшемуся!...

– Да потому он и писал такие письма, что знал, чего ты ему желаешь. А ему этого давно не надо. Не мог же он разочаровывать тебя. Ведь ты же, ты... ты – чистая душа. И это твоя болезнь. Все твои друзья о ней знают, все, кроме тебя.

– Да кто ты такая, чтобы судить других?!

– Ладно, оставим друга твоего. – Бобо сурово посмотрела на меня, как злой пророк. – Возьмем жестче. Вспомни Юлию!

Я оторопел:

– Что?! Ты и об этом знаешь?! Кто же ты такая, наконец?!

– В сотый раз тебе повторю, я – твоя Боль. И потому знаю все, о чем душа твоя болела.

– Это невероятно! – я был на грани потрясения.

– Поверь, прошу, и успокойся, – попросила вкрадчивым голосом Бобо. – Долгие годы твоего одиночества Юлия писала тебе. Ты думал, что вот-вот сменятся обстоятельства, и вы будете вместе. Ты долго ждал, пока она окончательно порвет свои отношения с мужем. Потом ее длительная командировка за границу. Потом она переезжает в другой город. У тебя осложнения с работой. Ты разочарован в жизни, ты веришь только в родную душу рядом. Тебя не устраи-

вает ни одна женщина кроме Юлии, потому что ты любишь ее. И она все едет к тебе и никак не доедет. А к себе не зовет. И ты все эти годы живешь ее письмами и надеждой... Сколько же лет я металась между вами, пока все же не отболело это у тебя. Ты даже и не знаешь до сих пор, почему ты писал ей последние три года до востребования...

– Почему?

– Да потому, что Юлия твоя давно вышла замуж. И очень удачно, по расчету.

– Зачем же тогда она писала мне?

– Да потому, что таких как ты – мало. Это изысканное блюдо. Не каждый захочет отказаться от него навсегда.

– Спасибо за лесть. Это я что же, вроде крабов, что ли?

– Ты – чистая душа, дорогой. И трудно поверить, что среди всех этих... мерзостей жизни есть чистый родник.

– Ну, хватит. А то я сейчас вознесусь от гордости на Седьмое небо. Оставим этот дурацкий разговор. Я хочу спать.

В самом деле, я чувствовал себя ужасно слабым и беспомощным, после того, что рассказала мне эта сумасшедшая. И в то же время было радостно и покойно от того, что в доме у меня появилась эта странная женщина. Она как бы развела те клещи, которые теснили мое сердце, и я точно знал, что сейчас лягу, и сон мой будет крепок.

Я оставил гостью на кухне, погасил в комнате свет и лег на свой диван...

Как только лег я на свой диван, сон пропал вчистую. Сейчас, когда я был один во тьме комнаты, в сознании остро прорезалось то, о чем сказала Бобо. Выходит, друг, которому я желал настоящего большого успеха, удовлетворился малым и предал меня, а, значит, и себя. Женщине, которую любил, я, оказывается, был нужен всего лишь, как экзотический цветок, как романтическое воспоминание... Да, уснешь тут...

Гостья моя погасила свет на кухне и пробралась в темноте к своей раскладушке. Пошуршала юбками, потом скрипнули пружины.

– Тебе удобно там? – поинтересовался я.

– Да, спасибо.

– Значит, ты говоришь, Сева Альбатросов вполне счастлив?

– Вполне.

– А у Юлии когда ты была?

– Я не была, я просто знаю о ней все. Когда ты решил больше не писать ей, она стала мне неинтересной. Ведь я же твоя Боль, а не ее...

– И ты пришла теперь ко мне, потому что все во мне отгорело, отболело?

– Ты правильно понял меня.

– А вот и врешь! – воскликнул я. – У меня не все еще отболело.

– Все, Вася, – нежно сказала Бобо, и я почувствовал, как она улыбнулась в темноте.

– Нет, не все!

– Ты имеешь в виду своих детей? Но ты не видел их восемь лет. Твоему сыну сейчас четырнадцать. Новый отец учит его управлять автомобилем. Они неплохие друзья.

– Но он должен помнить меня! Когда мы расстались, ему было не так уж мало...

– Он почти не помнит тебя. Да это и хорошо. Судьба хранит его...

– А дочка? – воспрял я, но тут же и сник. Ей было четыре года, когда я уехал.

– Тебя нет в том доме. Ни фотографий твоих, ни воспоминаний о тебе.

– И мать не рассказывает им обо мне?

– Зачем? У них есть отец, они называют его папа. Это тебе они нужны, чтобы ты смог держаться как-то, жить чем-то. Но ведь согласишься, ты бы не смог уже с ними жить?

– Это почему же?!

– Да потому, что дети, которые выросли без тебя, – не твои дети... Ты это и сам понимаешь... И деньги твои там совсем не нужны... Так что, Вася, отболело все давно. Живи сам...

Тяжкие слова сказала сейчас эта ночная гостья. Она была права, мудра и рассудительна. И в то же время чудовищно жестока.

– Ты пришла, чтобы соль мне на раны сыпать? Потому и называешь себя моей болью? Ты же знаешь, как мне плохо живется...

Черт знает, как вырвались из меня эти слова. Бобо ничего не ответила. Но вот раскладушка ее скрипнула, я услышал шлепанье босых ног. Она подошла ко мне, матово белея в темноте, как свеча, и села на край дивана.

– Не грусти ни о чем, Вася. Все люди рано или поздно ощущают себя одинокими и никому не нужными. Абсолютно все! И это самая непобедимая болезнь на свете...

– Мне от этого не легче.

– Легче. Должно стать легче, ведь я же с тобой.

Я разглядел теперь в темноте ее голые плечи, маленькие, ссохшиеся груди, похожие на уши спаниеля...

– Ты хочешь согреть и обласкать меня в эту ночь? Но у меня бывают здесь женщины, и я забываюсь с ними на какое-то время. А дальше – опять пустота.

– Нет, Вася, я не такая женщина. Мне вовсе не все равно, как ты живешь. И я все время думала и буду думать про тебя... Ты совсем недавно не хотел жить. Глупый. Не от жизни ты устал, а от себя. Ты просто ослаб и, как глупец, возжелал стать счастливым.

– Ерунда! – возразил я.

– Конечно, – согласилась Бобо. – Ты не так глуп, чтобы жить как все, в ожидании счастья. А кто ищет его в благополучии – глупец вдвойне. Старая истина: жизнь сама по себе – это и есть счастье.

– Ты тоже не сильно умна, – злорадно усмехнулся я. – Говоришь какие-то пошлости... Все это пустые слова...

– Да, наверное, милый. И все же в них заключена человеческая мудрость. Ты просто не так живешь. Брось постылую работу, если она в тягость, займись тем, что душе угодно. А если ничего не хочешь, живи просто, как лист на дереве...

– На сухом дереве листья не растут, – съязвил я.

– ...полюби речку и лес, первый снег и закат на озере...

– А людей? Людей ЭТИХ как полюбить? Как терпеть дальше унижительное существование, которое называется жизнью?

– Очень просто, Вася! Если тебе не нравится, как люди вокруг живут, вообрази, что ты живешь в Стране Дураков и будь снисходительным. Отвечай только за себя и за свои поступки. Будь высоким и гордым... И я буду вечно любить тебя...

Никто и никогда не говорил мне таких слов. Какое-то неведомое прежде тепло влилось в ледяную мою душу.

– Почему ты раньше не пришла? – спросил я.

– Разве ты не понял? – Я не имею права являться к тебе, пока все не отболит в душе твоей. Теперь, когда ты всем переболел, ты пойдешь на поправку.

– Ты не уйдешь от меня?

Бобо ничего не ответила и погладила меня по голове. Рука ее была жесткая, натруженная, но теплая. Я бережно впустил в свои ладони эту костлявую зверушку и нежно поцеловал ее. Бобо тесно прильнула ко мне, и я почувствовал все ее лицо на своем плече. И почему-то глаза у Бобо были мокрые...

Проснулся я поздно. Бобо рядом не было. Не было ее и на раскладушке. И меня как ожгло: я враз понял, что она ушла и больше не придет. Я метнулся в прихожую и убедился в своей догадке – темно-вишневый плащ на вешалке исчез.

Растерянный стоял я посреди пустой своей комнаты, наполненной теплым солнечным светом. Какая-то шальная муха с разбегу поцеловала меня в лоб, помахала на прощанье крыльями и улетела в форточку. Мне стало весело от нелепой этой ее выходки.

На кухне на столе я нашел клочок бумаги. «Душа моя, я исчезаю! Не грусти. Теперь у тебя будет другая жизнь, все сладится. Я не могу быть с тобою всегда – на свете слишком много людей, которых надо утешить. Но я всегда буду жить с мыслью о тебе. Помни об этом всегда. Прощай».

Я с трудом проглотил какой-то ком и чуть не заплакал. Но тут же взял себя в руки. Слава богу, я не успел еще к ней привыкнуть. Конечно, конечно, милая Бобо, разве можно тебя – Боль, Надежду, Веру держать взаперти? Но не такой я простак, чтобы довольствоваться утешением твоим и жить с теплом в душе от того, что ты помнишь обо мне. Нет! Я найду тебя в этой огромной Стране Дураков, чтобы увидеть еще раз и убедиться, что это был не сон, и ты, в самом деле, была у меня. А, может, ты позволишь мне странствовать по земле вместе с тобой, и мы вместе будем нести людям Веру и Спасение? Да, да, только так! Теперь-то я знал, как мне жить дальше. Надо ехать, бросить все, и ехать. Но сначала нужно освободиться от ненужного груза...

Первое, что я сделал – набил рюкзак старыми письмами, детскими рисунками, которые и по сей день били по сердцу. Бросил в мешок и записные книжки с адресами умерших давно для меня людей. Все это шуршащее, пожелтевшее от времени Промышленное отравляло меня все эти годы своими ядовитыми испарениями, подобно ртути. Теперь все это – долой! Ничего лишнего. Ведь я же собирался в дорогу.

Рюкзак со всем этим барахлом я вывез в лес и поддал солнцу жара своим очистительным костром. Все эти бумажные надежды и воспоминания черным пеплом разлетелись окрест. Вот так, только кремация, и никаких могил!

В азарте я и рюкзак свой старый чуть было не бросил в огонь, но вовремя спохватился: он еще сослужит службу в долгом пути...

Возвращаясь домой налегке, я забыл, сколько мне лет. Честное слово. Вчера еще, когда весь день моросил дождь, я ощущал себя глубоким стариком, уставшим от жизни. Лет восемьдесят было мне. Теперь же, возвращаясь из пригородного леса, где развеял я по ветру ветхий прах своей памяти, я чувствовал себя много моложе. Впереди, по тротуару, вымытому ночным дождем, шла девчонка. Она торопилась куда-то со свертком в руках. На ней была яркая блузка и юбка-колокол. И был сильный ветер. И в один из наиболее сильных порывов, юбка-колокол поднялась немислимо высоко, и я увидел стройные, бесконечно длинные ноги. И в эту минуту мне было лет восемнадцать, ей богу. Я только начинал жить...

Глава восьмая. Бобо

Итак, Бобо вернула меня к жизни. Но я еще был слаб после долгой спячки и мне требовалась подпора. А поскольку ни одной родной души на свете у меня не осталось, я во что бы то ни стало решил догнать, отыскать спасительницу свою, чтобы в новом и непривычном состоянии младенчества следовать за ней, подобно цыпленку, вылупившемуся из яйца, который семенит за птичьей матерью своей.

У русских есть хорошая поговорка, которая обозначает безнадежное дело: искать иголку в стоге сена. Вот поэтому, наверное, народ этот, в общем-то славный и душевный от природы, живет без особой веры в удачу. Не едут, не ищут, не пробуют. В лучшем случае ждут и надеются. Потому что помнят эту мудрость пращуров своих про иголку и про стог сена.

Зато любознательный народ русский страсть как любит слушать рассказы да байки про всякие приключения да путешествия. Но этим я не порадую тебя, любезный читатель. Почему? Да потому, что путешествовать по Стране Дураков так же неинтересно, как и плыть на Корабле Дураков.

Ну, судите сами. Вы обращаетесь в адресное бюро или в горсправку (не помню уж, как называется) и говорите, что разыскиваете женщину примерно 35 лет по имени Бобо. Фамилия не известна... Добросовестная служащая поднимает картотеку, ищет и с сожалением говорит, что такого имени не значится. Тогда ты говоришь, что она, искомая, может называться Болью. Сотрудница опять перебирает картотеку, а ты смотришь на нее и вспоминаешь кем-то рассказанную шутку, когда какая-то газета в Стране Дураков поместила объявление: «Продаются щенки редкостной породы. Звонить по телефону такому-то, спросить Шарика». И на следующее утро телефон в веселой редакции трещал без умолку. И все спрашивали Шарика...

Не нашли в адресном столе Бобо-Боли и посоветовали обратиться в общество Красного Креста.

Ну что ж, им видней. Приходишь в эту организацию, где все стены увешаны кровавыми плакатами: кресты, полумесяцы, капли крови, величиною с кулак... На тебя здесь буквально набрасываются, потому что живые люди сюда за помощью заходят крайне редко.

– Что? Женщину ищете? Она состояла в обществе Красного Креста? Зовут Бобо или Боль? Извините, мы списков не держим...

Тогда я прошу подсказать, как найти женщину, живого человека, который болеет моими болями, переживает за меня, беспокоится...

Женщина, руководящая Красным Крестом, подумав, говорит почему-то шепотом:

– Если у вас горе, идите лучше в церковь. Там поплачут за вас, помолются, утешат боги-молицы. Я и сама иной раз...

– Спасибо.

Я глубоко уважаю храм божий, веру и верующих, но в церкви, Бобо быть не может. Это совсем другой человек.

И я положился на авось, на удачу, на случай, на судьбу, как хотите, и кинулся в странствия.

Я перегонял лошадей на Алтае, ел уху с плотогонами на Лене-реке, плотничал по глум, выморочным деревням российского Севера, рыбачил на Дальнем Востоке и промышлял пушнину в Сибири...

Где я только не был. Прошло бог весть сколько лет, но я помнил все время о Бобо, которая вытолкнула меня из однокомнатной моей клетки в сером, безрадостном доме. Бог мой, страшно представить, если б я держался за двадцать этих квадратных метров, выделенных мне пожизненно «самым гуманным в мире» государством и остался бы там навсегда. Я бы, наверное, спился, или удавился.

Господи, как долго высвистывал я свою унылую трель в этой своей клетке, изученной вдоль и поперек. И самое страшное в такой жизни, когда утром ли, ночью, спускаешь ноги с кровати на пол, и они всегда точнехонько попадают в тапочки. Это очень страшно, когда так продолжается изо дня в день, из года в год...

Спасибо тебе, Бобо, спасибо! Я вышел налегке искать тебя и нашел большой и удивительный мир. И никогда не забывал я тебя, и твою костлявую ладонь-зверушку... Хотя, если честно, уже размылись в памяти черты лица твоего. И голос уже не помню как твой звучал...

Время от времени встречались женщины, похожие на тебя. Они сочувствовали мне и пытались отогреть мою душу, они болели моими болями и желали мне радостей. И я уже думал, что нашел тебя, моя Бобо. Но, оказывается, все было не так. Либо наутро, после душевных бесед и ласки, я оказывался один и без бумажника, и без походного магнитофона, и без новой своей меховой шапки...

Или, случалось, наоборот: является однажды моя новоявленная Бобо с трубой ковра на широком плече и говорит:

– Милый, такая удача, и совсем недорого! Теперь у нас станет намного уютней, будем жить как все...

Эх, Бобо, Бобо, где-то теперь шагают стоптанные твои желтые сапоги, чью еще душу подымаешь ты из пепла добрым своим словом?

Тоска, хоть плачь...

И я опять куда-то срывался. Уходил, убежал, уезжал, улетал, уплывал, а подчас просто устало брел по земле, в этих трудах перемещения не замечая, как проходит жизнь. А когда не замечаешь, как бегут годы, значит, жизнь не в тягость. И это уже почти счастье, когда жизнь твоя не в тягость тебе...

Однажды я сильно заболел, когда ехал куда-то в поезде. У меня начался сильный озноб. Я стучал зубами и не мог согреться. Потом пошел страшный жар, я стал бредить. Меня высадили на ближайшей остановке, проводили в дом начальника станции, уложили в полутемной комнате на старую железную кровать. Через какое-то время прибыл доктор и с ним еще кто-то в белом халате, наверное, санитар. Меня слушали, щупали, переворачивали... Потом врач стал диктовать этому, второму, который в белом: «Больному 82 года. Ведет активный образ жизни, занимается интенсивным литературным и физическим трудом – косит, заготавливает дрова...».

– Нет, нет, – пытался возразить я.

– Успокойтесь, Лев Николаевич, вам нельзя разговаривать...

С этими словами врач придавил меня к койке и стал диктовать дальше: «Женат, имеет одиннадцать детей. Не курит... Диагноз: крупозное воспаление нижней доли левого легкого»...

Дальше такое переносить я не мог. Я закричал изо всех сил, но меня не услышали. Тогда я немного отдохнул, подманил доктора, и когда он наклонился ко мне, плюнул ему в лицо. На это ушли все мои силы, и я потерял сознание.

Дальше ничего не помню. Куда-то везли. Я умирал несколько раз, потом снова воскресал. И мне при этом казалось, что я чувствую в своей ладони твердые и теплые пальцы Бобо. Как тогда, в ту ночь...

И вот я окончательно очнулся в больничной палате чужого города. И никто не называл уже меня Львом Николаевичем Толстым, а был я, как и прежде, Василием. Я быстро шел на поправку. Мой лечащий врач рассказал, что я почти месяц был на грани жизни и смерти, но теперь все хорошо. Я протянул доктору руку, и он ответил мне искренним рукопожатием.

Почему-то этот врач, молодой совсем человек, не спешил уйти от меня. Это казалось противоестественным для той жизни, какую я знал. И потому я спросил напрямик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.